

Абсолютное оружие

Алексей Евтушенко

Колдун и Сыскарь

«Автор»

2011

Евтушенко А. А.

Колдун и Сыскарь / А. А. Евтушенко — «Автор»,
2011 — (Абсолютное оружие)

ISBN 978-5-699-52760-1

Полна тайн земля Русская, и как же интересно на ней жить! Андрей Сыскарев по прозвищу Сыскарь, владелец и сотрудник детективного агентства «Поймаем.ру», искал по заданию клиента сбежавшую из Москвы девушку, а нашел совершенно неожиданно парочку волколаков, упыря, неуспокоенный табор, его императорское величество Петра Алексеевича во плоти со товарищи и до кучи злобного колдуна-долгожителя, явно враждебно настроенного по отношению к населению России вообще и к нему, Андрею Сыскареву, в частности. Похмельный бред, скажете? Загулял, мол, новоявленный Шарапов на деревенском раздолье? А вот и нет. Без шуток, Сыскарь с радостью согласился бы на самое жестокое похмелье, только бы все перечисленное вправду оказалось бредом. Однако так просто подобные коллизии не разрешаются и загадки не разгадываются. Потому что полна тайн земля Русская...

ISBN 978-5-699-52760-1

© Евтушенко А. А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	43
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алексей Евтушенко Колдун и Сыскарь

*Моей жене Людмиле,
без которой не появилась бы эта книга,
посвящается*

*Ужасный сон тяготел над нами,
Ужасный, безобразный сон:
В крови до пят, мы бьёмся с мертвецами,
Воскресими для новых похорон.*

Фёдор Иванович Тютчев

Пролог

До священной рощи от Верхнего посада, где на самой окраине, за ручьём, обитал Велеслав, было около двух поприщ¹. С хорошим лишком. Расстояние для человека, счёт зим которого без двух недотягивал до сотни, весьма приличное, но Самовит не беспокоился. Велеслав ходил этой дорогой тысячи раз. И в летний зной, и в зимние морозы, и в осеннюю, а также весеннюю распутицу. А старым волхв был всегда, сколько Самовит его помнил. И всегда Велеславу доставало силы. Для служения Велесу, всякой мужской работы и мужской же утехи. Включая любовную. Самовит точно знал, что вдова бондаря Путаря Любава, проживающая в Нижнем посаде, у реки, к волхву не только за благословением да жизненным советом бегала. Ох, не только. Значит, и на нынешнюю встречу силы у Велеслава найдутся. К тому же он сам позвал Самовита для серьёзного разговора. Да и на дворе – вторая половина травня, последнего месяца весны; дороги подсохли, и погода для прогулки самая подходящая.

Правда, не совсем понятно, зачем, чтобы поговорить, топтать аж в священную рощу, но это уже дело Велеслава. Ему лучше знать. Он, Самовит, старому волхву всем обязан. Кровом, пищей, воспитанием. Силой и знанием, что, по сути, одно и то же. Не приюти двадцать два года назад Велеслав сироту-шестилетку, вряд ли бы Самовит стал тем, кем стал – одним из самых известных ведунов во всём княжестве, если не сказать больше. И точно – самым молодым. Что такое двадцать восемь зим для ведуна? Он ведь не дружинный воин, не ремесленник и не землеша, у которых к этим годам давно и семья, и дети, и жизнь, считай, на две трети прожита. Хороший ведун и волхв обычно к тридцати пяти, а то и к сорока должны знания и силу набирает, никак не раньше. К слову, о семье. Семья Зоряны и сама она на днях, если уже не завтра, должны вернуться из Новгорода. Хватит тянуть, пора засылать сватов. Такого жениха, как он, им нигде не найти, а тех как бы случайных встреч с Зоряной у реки, на торжище и в иных местах и взглядов, которыми они обменивались, ему, ведуну, хватает, чтобы понять – девушка не будет против.

Перед глазами Самовита, словно наяву, выросла ладная фигура Зоряны в длинной – до тонких щиколоток – понёве² и вышитой белой рубахе. Ох, соскучился... Больше месяца уж прошло, как виделись в последний раз. А кажется – вечность.

– О Зоряне думаешь? – неожиданно спросил Велеслав.

Вот всегда он так, ничего не скроешь. И без всяких чудес. По малейшим признакам мысли человека угадывает и поступки его наперёд знает. Волхв, одно слово.

– О ней, – признался Самовит. – Должна бы на днях вернуться уже.

– Сватов небось засылать собрался, – кивнул Велеслав. – Что ж, и об этом поговорим.

Они взобрались на пригорок, с которого уже видна была в низине роща – берёзы да осины, клёны с липами, изредка дубы. Большая роща, почти настоящий лес. Пристанище бога Велеса – покровителя лесов, домашнего скота и хозяйства, торговли и ремесленничества, любителя золота и всякой мудрости, вечного противника скорого на суд и расправу грозного Перуна.

Самовит огляделся. На дороге они были одни.

– Так, может, прямо сейчас и начнём? – спросил, не удержался. – Никого вокруг.

Велеслав остановился, глянул на ведуна с сожалением, вздохнул:

– Погубит тебя когда-нибудь торопливость, Самовит. Учись ждать, это одно из наиглавнейших умений ведуна. Мне говорить на ходу трудно. Ты об этом подумал?

¹ **Поприще** – древнерусская мера пройденного пути. В данном случае равно примерно километру. (Здесь и далее примеч. авт.)

² **Понёва** – древнерусская юбка из шерстяной ткани.

Самовит хотел сказать, что в таком случае можно было бы и вовсе дома остаться, но смолчал. Он уже жалел о своей несдержанности.

Роща встретила их прохладой и птичьим пением. Старый волхв и молодой ведун прошли вглубь по малоприметной тропинке и через недолгое время очутились перед неглубоким рвом, окружавшим довольно обширную поляну, посреди которой высилось, вырубленное из дерева, изображение Скотьего бога.

– На капище не пойдем, – сказал Велеслав. – Нечего Велеса тревожить попусту. Здесь, рядышком присядем.

Они уселись на поваленный бурей сосновый ствол. Спиной к поляне, лицом к роще. Велеслав молчал. Молчал и Самовит, памятуя о недавнем замечании.

– Завтра я умру, – в своей обычной манере, без всякого вступления, произнёс волхв.

Самовит покосился на учителя. Вроде не шутит. Да и не замечалось за Велеславом прежде подобных шуток.

– Почему завтра? – спросил он. – Ты так плохо себя чувствуешь?

– Чувствую я себя прекрасно, – усмехнулся в седые усы Велеслав. – Хоть женись. А умру, потому что время моё пришло. И я про это очень хорошо знаю. Примерно как ты про то, что любишь Зоряну.

«А Зоряна-то здесь при чём?» – хотел спросить Самовит, но прикусил язык. Как-то не уживался этот вопрос с тем, что он только что услышал.

– Горевать не надо, – продолжил Велеслав. – Всему своё время приходит. И не об этом тебе надо думать.

– А о чём?

– О том, что с Русью дальше будет. И с тобой тоже. За крещение народа князь Владимир и Добрыня взяли всерьёз. Это уже не предотвратить. Скоро все под новым богом ходить будете.

– Народ не примет... – начал было Самовит.

– Примет, – оборвал его волхв. – Уже принял. Новый бог сильный. И он – один. Единственный. А где бог один, там и народ в конце концов один, и страна одна. Так что, может, и хорошо это. Для народа. Хотя нас, волхвов да ведунов, изведут под корень. Тут и гадать нечего.

– А говоришь – хорошо!

– Когда кому-то хорошо, другим плохо. Так всегда бывает. Но речь сейчас не об этом. О наших знаниях. Их сбережь надо. Священники христианские греческие сделают всё, чтобы от них и следа не осталось. Понимаешь, почему?

– Потому что это наше оружие.

– Верно. И наша сила. А им наша сила не нужна, у них своя имеется. Значит, в первый черёд после моих похорон перепрячешь сундук с пергаменами, что у меня в подполе стоит. Так перепрячешь, чтобы их сам христианский бог не нашёл, не говоря уж о гриднях княжеских или лихих людях. Ты – ведун, придумай, как это сделать. Обещай.

– Обещаю.

– Хорошо, – кивнул Велеслав и, пожевав губами, продолжил: – Теперь о тебе и Зоряне. Особая она девушка, знаешь об этом?

– Догадываюсь, – усмехнулся Самовит. – Обычную я бы вряд ли полюбил.

– Для каждого влюблённого предмет его любви – особый. Я не об этом. Есть такие люди – редкие, избранные, в которых с особой силой душа целого народа проявляется. Зоряна как раз такая и есть. Она своего рода аватара.

– Жартуешь?³

– Какие уж тут жарты – помирать завтра. Ты этого не видишь, потому что глаза не туда смотрят. Оно и понятно – молодой, влюблённый. Хотя мог бы и разглядеть при желании.

³ **Жартовать** – шутить (украинское, белорусское, польское, древнерусское слово). Жарт – шутка.

Таланта и умения у тебя хватает. Тебе вообще много дано. На лету постигаешь то, до чего я годами доходил. Ещё бы терпения побольше и гордыни поменьше – и вовсе цены б не было.

– Мы о Зоряне говорили, – напомнил Самовит.

– Да, о ней. Тут вот в чём загвоздка. Такие, как она, всегда с народом. Всегда. И если народ принял христианского бога, то примет и она. Если уже не приняла.

– Как это – уже? – не понял Самовит.

– А ты думаешь, они в Новгород ездили только затем, чтобы родню навестить да на рынке выгодно мёд продать? – вопросом на вопрос ответил Велеслав и, видя изменившееся лицо ученика, добавил: – Может, я и ошибаюсь. Но рано или поздно Зоряна покрестится, будь уверен. И тогда наступит время для твоего выбора.

– Не бывать этому, – покачал головой Самовит. – Не допущу.

– Ну-ну, – сказал Велеслав. – Моё дело – предупредить. А дальше сам решать будешь, не маленький. Но помни, что аватару просто так не подчинить. Её задача высшая – дхарму восстанавливать. Помнишь, что такое дхарма?

– Помню, читал. И санскрит не забыл ещё. Но восстанавливать дхарму – это и моя задача.

– Вот я и говорю – поменьше бы гордыни... – Старый волхв умолк, поднял голову, лоя прищуренными глазами солнечные лучи, пробивающиеся сквозь молодую листву. – Эх, хорошо-то как. Аж умирать не хочется. Но ничего не поделаешь – надо.

Опираясь на посох, он поднялся.

– Пошли назад. С Велесом я попрощался, тебе всё сказал. Больше мне здесь делать нечего.

Глава 1

Кроссовер играючи взлетел на пригорок. Сыскарь притормозил, свернул на обочину и остановил машину.

– Отлить? – с пониманием осведомился Иван.

– И это тоже. Но больше осмотреться.

– Правильно. Осмотреться перед въездом в незнакомый населённый пункт никогда не помешает. А то вдруг там гранатомётчики засели?

– Тьфу на тебя. – Сыскарь отстегнул ремень безопасности и полез из машины. Иван неопределённо хмыкнул и последовал за ним.

Андрей Владимирович Сыскарёв по прозвищу Сыскарь на пару со своим другом Иваном Сергеевичем Лобановым (для старых друзей – Лобаном) владел в городе Москве частным детективным агентством с весёлым и лихим названием «Поймаем.ру». В апреле агентству исполнилось полтора года и ровно год, как оно начало приносить друзьям и напарникам прибыль. А сейчас всю цвёл май месяц, и Андрей с Иваном находились в командировке, в двух с половиной сотнях километров от Москвы, на дороге, ведущей в село Кержачи.

Почти вплотную с двух сторон к узкой, в заплатах, асфальтовой двухполоске подступал лес. И не какой-нибудь там европейский, специально и аккуратно высаженный, а русский северный – древний, густой, нескончаемый и своенравный. В таком лесу жителю мегаполиса заблудиться и пропасть – раз плюнуть. Несмотря на все достижения цивилизации вроде мобильной связи, GPRS и прочих «Глонассов».

Друзья вышли из кустов и направились к машине.

– Вот интересно, Сыскарь, ты бы взялся искать человека в таком лесу? – спросил Иван, оглядываясь через плечо. – Ещё два-три шага, и мы бы с тобой точно в болото угодили.

– За деньги я бы взялся искать человека хоть в джунглях Амазонки, – ответил Андрей. – А за соответствующие деньги даже его найти. Искать и находить – наша профессия, если ты забыл.

– Я не забыл. Но лес – не моя стихия.

– Можно подумать, моя. Мы с тобой, кажется, в одном московском дворе росли и в одних горах воевали.

– Горы я тоже не люблю, – сообщил Иван. – Вверх-вниз, вверх-вниз. И с полной выкладкой. Как вспомню, так вздрогну.

– Да уж, – сказал Андрей. – То ли дело в московских пробках нервы с бензином жечь. Благодать!

Он стоял возле машины и вглядывался из-под руки в раскинувшееся впереди под пригорком село. Солнце уже склонялось к закату и било в глаза не хуже прожектора.

– Некуда крестьянину податься, – вздохнул Иван.

Андрей опустил руку, обернулся и внимательно посмотрел на друга.

– Что-то не нравится мне твоё настроение. Вроде не пили вчера, похмелья быть не должно. В чём дело?

– Сам не знаю, – поскрёб хорошо выбритую щёку Иван. – Нормально всё было. Пока мы здесь не остановились.

– Аномальная зона, – быстро оглядевшись по сторонам, сообщил полушёпотом Андрей. – Я тебе разве не говорил? Извини. Местные жители постоянно наблюдают здесь НЛЮ и угощают зелёных инопланетян самогонкой. Ну и себя не забывают, понятно. И, что характерно, чем больше угощают, тем чаще те появляются.

– Да ну тебя, – махнул рукой Иван. – Могут быть у человека предчувствия?

– Могут, – легко согласился Андрей. – И предчувствия, и предрассудки, и прочие суеверия с гаданиями. Но в первую голову нас с тобой должны интересовать факты, которые мы добываем.

– Потому что за это нам платят деньги! – бодро воскликнул Иван. – Всё правильно, товарищ командир. Поехали. Приношу извинения за временную слабость. Больше не повторится. Они сели в машину.

– Фигня, Лобан, – нарочито весело сказал Андрей, трогаясь с места. – Не сегодня завтра найдём девушку, вернёмся в Москву и устроим себе выходной. Как насчёт посещения сауны?

– Лучше театр, – с абсолютно серьёзным видом ответил Иван. – Попросим Ирку, пусть купит билеты на что-нибудь хорошее, для души. Она в этом понимает.

Андрей покосился на друга, чтобы определить – не шутит ли? Но не определил.

Потому что в ту же секунду впереди на дорогу выскочил олень. Выскочил и замер, даже не повернув голову в сторону несущегося на него чёрного кроссовера.

– М-мать! – рявкнул Иван.

Андрей впечатал в пол педаль тормоза.

Завизжали колодки. Задымились покрышки. Сдавили грудь ремни безопасности, и побелели костяшки пальцев на руле.

Радиатор машины замер в десяти сантиметрах от оленьего бока. Андрей осторожно втянул ноздрями воздух.

– Ну ты драйвер, – только и сказал Иван.

И тут роскошное животное, всё так же, не поворачивая головы, зашаталось и рухнуло под колёса.

Этот заказ поступил в частное детективное агентство «Поймаем.ру» два дня назад. По словам принявшей его «секретаря на все руки и голову» (как любил выражаться Сыскарь) Ирины Москвитиной, заказчик – бизнесмен Роман Павлюк (мелкооптовая торговля канцелярскими принадлежностями) – был человеком вполне адекватным и даже, что немаловажно, готовым немедленно уплатить требуемый аванс согласно тарифам. В чём Сыскарь и убедился, встретившись с бизнесменом у него в офисе вечером того же дня.

Роман Павлюк – среднего роста полноватый молодой человек лет тридцати с хвостиком – не произвёл на Сыскаря ни малейшего впечатления. Впрочем, Андрей всегда старался дистанцироваться от клиента. Разумеется, лишь в том случае, если профессиональные обязанности не требовали обратного. По рассказу бизнесмена выходило, что от него ушла девушка. Совершенно неожиданно и в совершенно неизвестном направлении.

– Поймите, – в прерывистом голосе Романа улавливалось нешуточное волнение. – Светлана для меня – это не просто так! Я люблю её! И как раз в тот день, когда я собирался сделать ей предложение, она исчезла! Ни записки, ни эсэмэс, ни письма на е-мейл. Ни-че-го. А вдруг с ней что-то случилось?

– И давно она пропала?

– Десять дней назад. Я сначала ждал, мало ли...

– В милицию вы, разумеется, не обращались, – констатировал Сыскарь.

– Разумеется, нет. Разве они могут помочь?

– Иногда могут. Но это в любом случае долго. А вам, как я понимаю, нужно побыстрее.

– Как можно быстрее! Поэтому я вам и позвонил. Мне говорили, что у вашего агентства отличная репутация.

– Правильно говорили. Что ж, для начала меня интересуют её фотографии, паспортные данные, насколько они вам известны, и место работы. Затем родственники, друзья, подруги – где их можно найти или как с ними связаться. Увлечения. Номер мобильного телефона. Электронный адрес. Адрес блога или страницы в социальной сети, если таковые имеются...

На то, чтобы выяснить, что Светлана Олеговна Русская, неполных двадцати пяти лет, учительница истории в одной из московских школ, сирота, не исчезла, а уволилась из школы и уехала, Сыскарю потребовалось полдня (Иван заканчивал другое дело, и пришлось управляться самому). И ещё день, чтобы очертить примерную область поисков.

Выходило, что нужно ехать в командировку. И лучше не одному. Дорога сыщика не всегда скатертью выстлана. Как раз и напарник освободился, и аванс бизнесмена Павлюка на счёт в банке упал. До свиданья, Москва. Увидимся через пару дней. Ириша, ты на связи. Будь умницей, в чём я ни на секунду не сомневаюсь, блюди себя и честь агентства, веди учётную запись, не забывай о личной жизни. Привезем тебе подарок с местным колоритом. Хочешь ведро морошки? Не поспела ещё? Ладно, что-нибудь придумаем. Целую ручки. Пока.

Из Москвы они стартовали рано утром, заданного района достигли к одиннадцати часам, а к девятнадцати тридцати успели объехать три населённых пункта из тех семи, которые Андрей определил как самые перспективные.

Пока результат был нулевым. Местные жители никогда Светлану Русскую в глаза не видели. Или говорили, что не видели. Но это вряд ли. Потому что Сыскарь с Иваном всегда следовали знаменитым «пяти правилам Жеглова» из любимого обоими кинофильма «Место встречи изменить нельзя». К тому же простоватый на вид, с ясными честными глазами Иван и так самым естественным образом располагал к себе незнакомого собеседника, а худой и высокий, с узким хищным лицом, как бы состоящим из одного профиля, Андрей, когда надо, мог быть чертовски обаятельным. Особенно если разговаривал с представительницами слабого пола.

Итак, расположенное прямо по курсу село Кержачи было четвёртым, день плавно переходил в вечер, прямо на дороге перед машиной лежал натуральный олень, и уже было ясно, что одним днём командировка, скорее всего, не ограничится.

Друзья вышли из машины и присели рядом с животным. Олень был жив, дышал часто и мелко, косил на людей испуганным глазом, из рваной раны на шее сочилась и стекала ручейком на асфальт тёмная кровь.

– Кто ж его так, бедолагу... – пробормотал Андрей, поднимая голову и оглядывая лес напротив. – Охотники? Но выстрелов я что-то не слышал. А ты?

– Нет, – сказал Иван. – Но могли стрелять и раньше. И не здесь. А потом он бежал, бежал, пока не выскочил на дорогу. Тут силы и кончились.

– Может, и так... – Андрей склонился над раной. – Но если я хоть что-то понимаю, – а я понимаю, – это не огнестрел.

– И не ножевое. Похоже, клыками разодрали.

– Волки?

– Или медведи.

– Офигеть. Медведи разве на оленей нападают?

– А хрен его знает, – честно признался Иван. – Но мой дядька, заядлый охотник, царство ему небесное, говорил, что голодный медведь кого хочешь задрать может. Он же хищник, хоть и ягоды с мёдом тоже жрёт за милую душу.

– Ясно. Ладно, тащи аптечку. Попробуем божьей твари помочь. Не добивать же, в самом деле. Вдруг выживет?

На то, чтобы обработать, зашить и перевязать рану, а затем оттащить оленя с дороги в кусты на другую сторону, у друзей ушло около получаса. Навыков хватило – служба на Кавказе, а затем в правоохранительных органах многому их научила. В том числе и самостоятельно штопать дырки на теле, когда рядом нет квалифицированного медика. К их радости, животина после оказания ей помощи полежала с минуту, с трудом поднялась и, пошатываясь, убрела в лес.

– Странно, – заметил Иван, когда они возвращались к машине. – За полчаса никто мимо не проехал. Ни в какую сторону.

– Глухомань, – сказал Андрей. – Это тебе не Москва. И даже не Московская область. Расслабься, всё нормально.

Он сел за руль и завёл двигатель. Дизель радостно заурчал, просясь в дорогу. Иван стоял возле открытой двери с левой ногой в салоне и, обернувшись, смотрел в лес.

– Ну, что там ещё? – нетерпеливо осведомился Андрей.

– Ничего. – Иван сел, захлопнул дверь и пристегнул ремень безопасности. – Показалось. Можно ехать.

Занятия в местной школе на сегодня закончились, но она была открыта, и Андрею с Иваном потребовалось не более пяти минут, чтобы отыскать на втором этаже кабинет с табличкой «Завуч Иванова Нина Петровна» и постучать.

– Войдите! – разрешил строгий женский голос.

Они вошли.

Завуч Иванова оказалась полноватой женщиной среднего возраста с неожиданно короткой модной стрижкой. Тёмно-карие глаза за очками в металлической оправе смотрели на визитёров с профессиональным интересом кошки, знающей, что забившейся под кресло мышке деваться некуда. На долю секунды Сыскарь будто перенёсся лет эдак на тринадцать-пятнадцать назад, но быстро взял себя в руки. В конце концов, он тоже был профессионалом.

– Здравствуйте, Нина Петровна, – улыбнулся он своей самой обаятельной улыбкой, из арсенала тех, что были предназначены для женщин от сорока до шестидесяти лет включительно. – Меня зовут Андрей Сыскарёв.

– А я Иван, – не отстал от товарища Иван. – Иван Лобанов. Здравствуйте.

– Здравствуйте, молодые люди, – завуч обозначила приветливую улыбку. – Вы из Москвы?

– Ага, – весело согласился Сыскарь. – Из неё, родимой. Как вы догадались?

– Это сразу видно.

– Замечательная проницательность! Нина Петровна, нам очень нужна ваша помощь.

– Слушаю вас. Да вы присаживайтесь, в ногах правды нет.

– Спасибо.

Друзья уселись на предложенные стулья.

– Эх, Нина Петровна, – по-свойски продолжил Сыскарь. – Правды не только в ногах нет. А уж у нас в России даже там, где она есть, найти её бывает очень и очень трудно, можете мне поверить.

– Так вы искатели правды? – на этот раз совершенно открыто улыбнулась завуч. – Как интересно!

– Прямо в точку! – восхитился Сыскарь и повернулся к Ивану: – Ваня, надо нашему агентству рекламный слоган добавить. «Другие ищут правду, мы – находим». А, как тебе? Народ валом повалит. Нина Петровна, с нас шампанское и шоколад за идею.

– Не откажусь, – сказала Нина Петровна. – А что за агентство?

– Сыскное. Частное сыскное агентство «Поймаем.ру». Перед вами, Нина Петровна, два частных, но честных детектива. И нам, как я уже говорил, не обойтись без вашей помощи.

– Что-то случилось? – насторожилась завуч.

– Абсолютно ничего такого, о чем следовало бы беспокоиться, – заверил её Андрей, он продолжал улыбаться, сопровождая свою речь плавными неторопливыми жестами правой руки. – И всё совершенно законно и безопасно. Просто нам нужно увериться, что со Светланой всё в порядке. А то исчезла, понимаешь, никому ни слова не сказала, друзья испереживались все, даже нас, вот, попросили её найти.

– Светлана? – приподняла брови Наталья Петровна. – Какая Светлана? Русская?

– Она самая, – казалось, шире и обаятельней улыбнуться уже невозможно, но Сыскарь умудрился. – Она ведь недавно в вашей школе работает, верно?

– А у вас, господа частные сыщики, документы-то соответствующие имеются? – неожиданно спросила завуч.

– В обязательном порядке! – воскликнул Андрей, поднялся, вынул из нагрудного кармана и протянул раскрытым своё удостоверение. – Ваня, предъяви.

Иван сделал то же самое.

Нина Петровна, глядя поверх очков, внимательнейшим образом изучила документы, сверила фотографии с оригиналами и сказала:

– Ну что ж, будем надеяться, что вы не врёте. Впрочем, если и врёте, невелика беда. Светлану у нас любят и в обиду никому не дадут. Так и знайте. Мужики у нас хоть и пьющие, но серьёзные. Если что, шутить не станут. Это я на всякий случай предупреждаю.

– Господь с вами, Нина Петровна! – прижал руки к груди Сыскарь. – Какие обиды? Нам бы только с ней встретиться, поговорить пять минут – и всё. Мы убедимся, что всё хорошо, и тут же уедем.

– Не тут же, – подал голос Иван. – Лично я бы с удовольствием здесь переночевал, а завтра с утра уже поехал. Хоть воздухом чистым подышим. Когда ещё удастся? У вас здесь гостиница есть, Нина Петровна?

– Гостиницы у нас нет, – сказала завуч. – Но это не проблема. Если вы и впрямь те, за кого себя выдаёте, и Светлане никакого вреда от встречи с вами не случится, я, так и быть, дам вам приют на ночь, дорогие мои москвичи. Мы с мужем одни в доме, комната свободная есть.

– Вот спасибо! – обрадовался Андрей. – А то и впрямь в ночь ехать почти три сотни километров... Мы заплатим, сколько нужно, не сомневайтесь.

– С гостей у нас денег не берут, – усмехнулась Нина Петровна и, глядя на смутившихся друзей, добавила: – Не извиняйтесь. Сама жила в Москве, знаю. Но учтите, на встречу со Светланой я с вами пойду. В конце концов, она работает в моей школе.

– Нет проблем. Только не пойдёте, а поедете. С комфортом, у нас машина.

– Это хорошо, – сказала Нина Петровна. – Село у нас не такое уж маленькое, а Светлана на самой околице живёт. Идёмте.

– Может, позвонить ей сначала? – предложил Иван. – А то вдруг дома не окажется?

– Да куда ж она денется? – удивилась Нина Петровна. – Не дома, так в огороде, а не в огороде, так в магазине. Тогда по дороге встретим. А звонить – только деньги зря тратить.

Нина Петровна оказалась права. Светлану они нагнали в нескольких шагах от калитки её дома – девушка явно возвращалась из магазина с пакетом в руке, из которого выглядывал наружу батон хлеба.

Андрей проехал чуть вперёд, обгоняя Светлану, и остановил машину. Они вышли.

– Светлана Олеговна! – позвала завуч. – К вам гости. Из Москвы.

Девушка остановилась возле калитки и опустила пакет на землю, спокойно глядя на безмолвно застывших возле своего чёрного кроссовера Андрея и Ивана.

– Здравствуйте ещё раз, Нина Петровна, – сказала девушка. И улыбнулась.

«Меня как под коленки толкнул кто-то, – рассказывал потом Ивану Андрей. – Хорошо, возле капота стоял – опёрся. А то бы точно упал». – «А я забыл, что нужно дышать, – отвечал Иван. – Стою и не дышу. И, главное, абсолютно этого не замечаю. Только её вижу, и всё. Пока голова не закружилась и в глазах не потемнело, не вдохнул».

– Здравствуйте, Светлана, – первым, как это почти всегда бывало, среагировал Сыскарь. – Меня зовут Андрей, а это мой друг и напарник Иван. У нас к вам маленькое, но очень важное дело. Можно войти?

– Здравствуйте. Вас, наверное, Роман попросил меня найти? Больше вроде некому. Проходите, конечно. Будем чай пить. А может, вы есть хотите? Могу яичницу пожарить. С колбасой.

– Миллион лет не ел яичницу с колбасой, – честно соврал Сыскарь. – Не откажемся. Правда, Вань?

– Э... я... – Иван явно ещё не пришёл в себя.

– Он не откажется, – быстро заверил присутствующих Андрей. – К тому же – и очень кстати – у нас в запасе имеется бутылка отличного коньяка. Настоящего армянского. По рюмочке за знакомство, а? Нина Петровна, вы как?

– И не надейтесь, что откажусь, – твёрдо сказала завуч. – Считайте меня на сегодняшний вечер дуэньей.

И с гордым видом первой вошла в калитку.

Андрей со Светланой рассмеялись и прошли следом. При этом Андрей раньше девушки успел подхватить пакет с продуктами.

Иван тяжело вздохнул и полез в салон за коньяком.

Глава 2

Ночь выдалась тёплой. В распахнутое настежь окно глядела полная луна. Призрачный холодный свет смешивался с лесными майскими запахами, и этот волшебный коктейль прогонял сон не хуже чашки свежесваренного крепкого кофе. Впрочем, дело было не только в луне и весенних запахах. И даже не столько в них.

– Не спишь? – негромко спросил Иван.

Он лежал на раскладушке, закинув руки за голову, и смотрел в потолок. Но видел Светлану. Пшеничные волосы, зелёные, как весенняя трава, глаза, лёгкая походка и умопомрачительные ямочки на щеках. Можно понять бизнесмена Романа. «Как это он ещё десять дней выдержал... Я бы на третий искать кинулся. Или даже на второй».

– Не сплю, – ответил Андрей, расположившийся в схожей позе на кушетке у стены. – Луна мешает. Может, шторы задёрнуть, как думаешь?

– Мне-то хоть не ври, – сказал Иван. – Луна ему мешает. Как же.

– Ты прав, – вздохнул Сыскарь. – Лежу вот и всё о ней думаю. Какая девушка... – Он помолчал и вдруг стремительно повернулся на бок, уставившись на Ивана. – Стоп. А ты-то чего не спишь, напарник?

– Угадай. Даю три попытки. Но думаю, тебе хватит и одной. Ты же у нас проницательный.

– Эй, Лобан, я первый её заметил!

– Во-первых, это недоказуемо. А во-вторых, не колышет.

– Вань, она точно не для тебя. Одумайся. Ты же вообще женщин боишься. Даже проституток.

– Не боюсь, а слегка опасуюсь. Это разные вещи. Тем более проституток. А Свету я совсем почему-то не опасуюсь. Наверное, потому, что люблю.

– О как. Уже люблю. Часок за одним столом посидел – и сразу любовь?

– На себя посмотри. И почему часок? Не знаю, как тебе, а мне лично двух секунд хватило, чтобы всё понять.

– Чёрт, мне тоже. Может даже, и вовсе одной. Во влипли... И что теперь делать?

Друзья умолкли. Думать о том, что теперь им делать, не хотелось. Хотелось думать о Светлане. И только о ней.

– Так не пойдёт, – сказал наконец Сыскарь, отбросил одеяло и сел на кушетке, спустив ноги на пол. – Придётся использовать старинное русское средство. Оно же последнее. Только давай тихо, не хватало ещё разбудить хозяев.

Он встал, бесшумно прошёл к своей сумке, лежащей в углу, достал из неё бутылку коньяка и поставил на стол.

– У меня две было, – пояснил он Ивану, который с искренним интересом наблюдал за действиями напарника. – В нашем деле надеяться, что хватит одной, глупо.

Посредине овального, покрытого льняной скатертью стола на подносе стоял графин с водой и два гранёных стакана донцами вверх.

– Привет из двадцатого века, – умилился Сыскарь. – Уже и не помню, когда последний раз видел подобный натюрморт вживую. Правда, закусить нечем, но хороший коньяк можно и не закусывать. Водичкой запьём, если что.

– У меня есть, – сказал Иван.

Он поднялся с раскладушки, выудил откуда-то из недр своей сумки плитку шоколада, положил её на стол и уселся напротив Андрея.

– Сладкоежка, – констатировал Сыскарь, тихонько откупоривая коньяк и неслышно, по стеночке, разливая его по стаканам. – И всегда таким был. Смотри, от сладкого полнеют. Ты уверен, что ей нравятся низкорослые толстые мужики?

– У меня нормальный средний рост, – важно сказал Иван. – Не то что у некоторых дылд коломенских.

– Коломенская – это верста, – парировал Андрей. – А дылда, она стоеросовая.

– Дубина стоеросовая. Дубина, а не дылда. С осину вырос, а ума не вынес.

– Верно, дубина, – подумав, согласился Сыскарь. – Признаю. Это мне образ Светланы мозги затуманил. Но и ты с дылдой коломенской маху дал. Так что один – один. За это и выпьем.

Выпили, закусили шоколадом, помолчали.

– Ну как? – осведомился Иван. – Лично у меня ни одной идеи.

– Мало. Давай еще по одной.

– Давай.

Выпили ещё.

– Хуже всего, что завтра нам уезжать, – сказал Иван.

– Зачем? – удивился Сыскарь. – Можем и задержаться.

– Как это?

– Всё-таки ты, Лобан, иногда бываешь удивительно... лобовым. – Андрей ловко разлил ещё по пятьдесят. – Сам подумай. Задание клиента мы выполнили? Выполнили. Новые заказы у нас есть? Пока нет. Значит – что? Правильно. Имеем полное право на небольшой отпуск. Так почему бы не провести его здесь?

– А ведь и верно! – расплылся в широкой улыбке Иван. – Мы же сами себе хозяева. Как же это я не сообразил... Погоди, а Ирка?

– Что Ирка? Пусть сидит на телефоне, как и положено наёмному работнику. Если возникнет что-то срочное и денежное, она нам позвонит. Делов-то.

Выпили за будущий отпуск. Потом за процветание частного сыскажного агентства «Поймаем.ру» вообще и здоровье его секретаря Ирины Москвитиной в частности. За собственное здоровье тоже не забыли. Наконец Сыскарь разлил по последней, убрал пустую бутылку обратно в сумку и сказал:

– Ну что, теперь за то, чтобы чудесная девушка Светлана сделала правильный выбор?

– Нет, погоди. – Иван помотал головой. – У меня есть другой тост.

– Давай.

– Выпьем за то, чтобы она не просто сделала правильный выбор, а выбрала, за кого из нас двоих выйдет замуж. Ты же готов на ней жениться?

– Ни фиги себе, ты вопрос ставишь...

– Готов или нет?

Сыскарь хорошо знал друга и понял, что тот говорит серьёзно. Возможно, даже предельно серьёзно. Значит, и отвечать нужно серьёзно.

– Да, готов.

– И я готов. Хоть завтра. И вот ещё что... – Иван помедлил, задумавшись.

– Ну?

– Бывает так, что лучшие друзья ссорятся в подобной ситуации на всю жизнь...

– У нас этого не будет, – быстро возразил Андрей. – Любовь любовью, а дружба дружбой.

– Вот и я об этом, – кивнул Иван. – Значит, давай дадим торжественное обещание. Тот, за кого Светлана согласится выйти замуж, пригласит другого на свадьбу. Что бы ни случилось.

– Разумно. – Сыскарь взял стакан. – Итак, я пью за то, чтобы Светлана выбрала себе мужа из нас двоих. И торжественно обещаю, даю слово, что если она выберет меня, то я, Андрей Владимирович Сыскарёв по прозвищу Сыскарь приглашу на свадьбу тебя, моего друга, напарника и компаньона Ивана Сергеевича Лобанова по прозвищу Лобан. Что бы ни случилось. Так нормально?

– Нормально. Я пью за то же самое и, в свою очередь, обещаю и даю слово пригласить тебя на нашу со Светланой свадьбу, если она выберет меня. Что бы ни случилось.

– Два влюблённых идиота, – констатировал Сыскарь, когда оба допили коньяк, сполоснули стаканы водой из графина и выплеснули её за окно. – Эх, курить охота.

– Ты бросил, – напомнил Иван.

– Знаю, – вздохнул Сыскарь. – Но всё равно охота.

– Подыши свежим воздухом, легче станет. Я всегда так делал, когда бросал.

Они стояли у открытого окна, глядя на полную луну. Иван скрестил руки на груди, Сыскарь опирался ладонями на подоконник, глубоко вдыхая чистейший ночной воздух. Это и правда помогло, желание закурить сошло почти на нет. Вместо него захотелось спать. Сыскарь широко зевнул, бросил последний взгляд на луну, шагнул от окна, направляясь к кушетке, и замер. Со стороны леса (впрочем, лес тут был со всех сторон, куда ни пойдешь) донёсся жутковатый и долгий, приглушённый расстоянием вой. Казалось, он не закончится никогда, а так и будет длиться и длиться, выматывая нервы и душу, сквозь ночь до самого утра, если, конечно, это самое утро вообще наступит...

– Надоел, – процедил Сыскарь.

Вой прекратился, как обрезанный.

– Шаман, – сказал Иван. – Интересно, это волк или собака?

– Чтоб я так знал. Но знаю точно, что это не моя музыка. Уж больно тоскливо.

– Я почему-то сразу нашего оленя вспомнил, – сказал Иван. – Неужели это волки на него напали всё-таки? Но почему днём? Волки – ночные охотники.

– А медведи не воют. Они режут.

– Режут белуги. Медведи рычат.

– Никогда не видел белугу вне зоопарка, – пробормотал Сыскарь. – Равно как и волка с медведем. Ладно, давай спать. День завтра обещает быть крайне интересным и, не побоюсь этого слова, увлекательным.

– Это точно, – согласил Иван. – Спокойной ночи, Сыскарь.

– Спокойной ночи, Лобан.

Друзья улеглись и вскоре уснули.

Никто из них не заметил, как с раскидистого клёна, росшего напротив окна, бесшумно снялся и канул в ночную темь крупный филин...

Утром, едва Андрей с Иваном успели умыться и позавтракать на кухне-пристройке (Нина Петровна напекла гостям вкуснейших блинов), в дверь постучали.

– Не заперто! – сообщила Нина Петровна, оборачиваясь через плечо.

Чуть пригнувшись, чтобы не задеть головой о косяк, в дом шагнул высокий грузный мужчина лет сорока пяти – пятидесяти в военно-охотничьем камуфляже, такой же пятнистой, армейского типа, кепкой на голове и армейских же ботинках.

– Утро доброе, – поздоровался он, снимая кепку, под которой оказался короткий «ёжик» тёмно-русых, с густой проседью волос.

– Здравствуйте, – дуэтом произнесли Андрей с Иваном.

– Доброе утро, Саша, – сказала Нина Петровна. – Заходи. Чаю хочешь? С блинами.

– Не откажусь.

Мужчина тщательно вытер ноги о коврик, прошёл на кухню и сел на свободную табуретку. Табуретка отчётливо скрипнула.

– Александр, – сообщил гость, протягивая ладонь размером чуть ли не с малую сапёрную лопату.

– Андрей.

– Иван.

Состоялись короткие, но энергичные рукопожатия.

– Надолго к нам? – степенно осведомился Александр, принимая от Нины Петровны чашку с чаем. – Спасибо, Нина. Виктор-то где? На рыбалку умотал небось?

– На неё. Встал ещё затемно. Он тебе нужен, что ли?

– Сегодня нет. Но очень скоро может понадобиться. Крышу в старом коровнике надо будет подлатать в паре мест.

– Хорошо, я передам.

– Собирались уезжать сегодня, – дождавшись паузы, ответил Андрей.

Иван с удивлением посмотрел на компаньона. Как же так, мол, вчера же мы решили, что останемся на несколько дней?

Спокойно, ответил ему взглядом Сыскарь, я знаю, что делаю.

Александр кивнул, взял с тарелки блин, окунул его в миску со сметаной, целиком отправил в рот, прожевал, проглотил и запил чаем.

– Пальчики оближешь, – сказал он. – Спасибо, Нина. Люблю блины. А задержаться можете?

– Смотря по какой причине и на сколько дней, – сказал Андрей. – Мы вообще-то на работе.

– Вот я и предлагаю вам работу. А на сколько дней... Это уж не знаю. Как справитесь.

– Крышу подлатать? – усмехнулся Сыскарь. – Извините, мы не по кровельщицкой части.

– И не по плотницкой, – добавил Иван.

– Кровельщиков и плотников здесь хватает, – сказал Александр и отправил в рот второй блин.

Друзья ждали.

– ...а вот сыщиков совсем нет, – закончил гость и неожиданно подмигнул: – Вы ведь сыщики, верно?

Компаньоны переглянулись.

– Не удивляйтесь, – сказала Нина Петровна. – В деревне новости расходятся быстрее, чем в Интернете.

– Сыщики, – весело признался Андрей. – Частное сыскное агентство «Поймаем.ру» к вашим услугам.

– Поймаем – это хорошо, – улыбнулся Александр. – На ловца, как говорится, и зверь бежит. Есть у меня, ребята, к вам дело. Только давайте на «ты» перейдём, ладно? Не привык я выкаты. Но что такое уважение – понимаю.

– Добро, – кивнул Сыскарь. – Нам так тоже проще. Но учти, мы работаем за деньги.

– Само собой. Если возьмётесь, аванс заплачу сегодня же. В пределах разумного, ясно.

– Излагай, Саша.

– Давайте лучше у меня поговорим, – сказал Александр. – Заодно и осмотритесь. И аванс получите, если согласитесь. Извини, Нина, что тебя не посвящаю пока. Но дело есть дело, лишних ушей не любит. Справимся – первая узнаешь.

– Ещё я ваших секретов не слухала! – фыркнула Нина Петровна. – Своих забот полон рот. Нашёл секрет, к тому же. Да все Кержачи давно знают, что ты хочешь поймать зверя или человека, который у тебя телят режет и кровь из них выпускает. Тоже мне, конспиратор.

Напарники с интересом посмотрели на Александра. Тот вздохнул, почесал в затылке.

– Видите, как у нас? – спросил. И сам же себе ответил: – Ничего скрыть невозможно, всё на виду.

– Получается, не всё, – заметил Сыскарь.

– То есть?

– Ну, ты же за помощью к нам пришёл. Чтобы кого-то найти и поймать. Значит, не всё на виду, если искать надо.

– Верно, – усмехнулся Александр. – Но всё равно лучше поехали ко мне. Я себя на своей территории уверенней чувствую.

– Знакомо, – сказал Иван. – Сами такие.

Они поблагодарили Нину Петровну за еду и кров (при этом Александр попросил хозяйку всё-таки не распространяться о его визите по деревне хотя бы день-другой и получил в ответ такой выразительный взгляд, что попятился, споткнулся о порог и чуть не упал), попрощались и вышли на улицу.

– Держитесь за мной, – предложил Александр, усаживаясь в отечественный Jeep Patriot. – Здесь недалеко.

Они проехали по улице, свернули направо, миновали дом Светланы (при этом оба друга одновременно повернули к нему головы и синхронно вздохнули, не разглядев хозяйку ни на крыльце, ни за окнами) и, добравшись почти до самой околицы, затормозили – дорогу впереди степенно переходила небольшая стая гусей с гусятами, погоняемая важного вида рыжеволосой и веснушчатой девчушкой лет шести-семи.

– Осторожно, гуси, – произнёс Сыскарь. – Не вижу знака. Ух ты, а это кто? Колоритная фигура. Видишь?

– Вижу, – откликнулся Иван. – И впрямь колоритная.

Навстречу им по другой стороне улицы шёл человек. Мужчина. Назвать его деревенским мужиком как-то не поворачивался язык. Хотя и на среднестатистического городского жителя он не был похож.

Выше среднего роста, в длинном, чуть ли не до пят, кожаном плаще, сшитом из кусков разного цвета – от светло-коричневого до бордового, с надвинутым на голову капюшоном, из-под которого выглядывал хищный крупный горбатый нос, виднелись черные с проседью усы с бородой и выбивались того же цвета длинные волосы.

Он шёл лёгкой уверенной походкой, но при этом зачем-то опирался на деревянный посох, украшенный причудливой резьбой и словно взятый из какой-нибудь видеоигры или фильма в жанре фэнтези.

Поравнявшись с кроссовером, мужчина откинул капюшон, на ходу повернул голову и посмотрел на друзей. Его губы беззвучно шевельнулись.

– Что? – спросил Иван. – Не понял, он что-то нам сказал?

– Не знаю, – задумчиво произнёс Андрей. – Не расслышал. Может, поздоровался. В некоторых деревнях до сих пор принято здороваться со всеми, даже с незнакомцами. Но ты заметил, какие у него глаза?

– Вроде карие. А что?

– Не карие, а жёлтые. Натурально. Как у кота. Никогда таких не видел. И зрачки...

– ?

– Нет, ерунда, показалось, наверное, – понизил голос Сыскарь. – Или солнце так упало. Вроде как они красным отливают. Жуть.

– Тебе бы детишкам сказки на ночь рассказывать, – вздохнул Иван. – Цены бы не было. Трогай давай. Дорога свободна.

Александр Вежин оказался местным фермером. Не бедным. Держал крупное стадо элитных коров, с которого имел стабильную прибыль на протяжении вот уже более десяти лет. И с односельчанами, по его словам, у него были нормальные дружеские, товарищеские и деловые отношения. Кое-кто завидовал его успеху, не без этого, особенно в начале. Но потом рассудительность и твёрдый нрав Вежина вкупе с готовностью всегда помочь тем из односельчан, кто действительно в помощи нуждался, победили, и фермер приобрёл всеобщее и весьма заслуженное уважение.

– Я же местный, – рассказывал он, водя друзей по своему обширному хозяйству и показывая, где и что расположено. – Здесь родился и вырос. Всех знаю. И меня все знают. И дети

мои в Кержачах выросли. Жена, правда, родом из райцентра, но прожила тут уже четверть века, так что, считай, тоже своя...

В общем, всё шло более менее хорошо. Стадо год от года росло, а вместе с ним и прибыль. Трезвый и рачительный хозяин Александр Вежин собирался уже строить третий коровник и взять в аренду ещё земли под пастбища, но пару месяцев назад на ферме случилось весьма странное и неприятное происшествие. Кто-то зарезал телёнка, пробравшись ночью в коровник. И не просто зарезал, а, по словам фермера, полностью его обескровил.

Глава 3

Они сидели в красивой деревянной беседке, расположенной на обширном и хорошо ухоженном участке, окружающем двухэтажный бревенчатый дом фермера. Александр курил. Андрей с Иваном молчали, обдумывая его рассказ и последовавшее за ним предложение.

Второго телёнка зарезали почти через месяц и точно таким же образом. Рана на шее и полное обескровливание организма.

– Как будто насосом откачали, – говорил Александр. – У меня же овчарки, специально натасканные, ночью территорию охраняют! И ещё непьющий сторож. Даже два. Ну, почти непьющие. И никто ни сном ни духом. Как такое может быть? Но я заметил. Оба раза пришлось на полнолуние. Соображаете, к чему веду? Сегодня ночью как раз опять полнолуние.

– А не прошедшей было? – спросил Иван.

– Нет, сегодняшней. Специально уточнял по календарю.

– И ты хочешь устроить засаду, – догадался Сыскарь. – Поймать гада. Или убить, если это зверь.

– Точно. Хотел сначала мужиков уговорить – у каждого, считай, или двустволка, или даже карабин имеется, – но потом передумал. А вдруг это всё-таки человек и мы его случайно подстрелим? В тюрьме сидеть неохота. И тут вы появились, как по заказу. Профессионалы. У вас же есть оружие?

– Оружие-то у нас есть, – сказал Сыскарь. – И разрешение на него, разумеется, тоже. Но... Ты в государственные правоохранительные органы обращался с этим вопросом?

Александр молча посмотрел на него и выразительно вздохнул.

– Понял, – сказал Сыскарь. – Извини. Действительно. У них дел невпроворот, а тут какие-то телята.

– Я заплачу, – сказал хозяин фермы. И назвал две суммы. Одну, если засада удастся, и вторую, если нет или ночь пройдёт впустую.

Компаньоны задумались. Деньги предлагались вполне адекватные затраченным усилиям и риску. Даже по московским меркам. А с учётом того, что они всё равно собирались оставаться в Кержачах, то и вовсе грех было отказываться. Эти свои одинаковые мысли Андрей с Иваном и прочли в глазах друг друга, молча переглянувшись.

– О'кей, – кивнул Сыскарь. – Аванс – сорок процентов от меньшей суммы, и мы твои. Давненько я не охотился за убийцами телят.

– Нет проблем. – Александр вытащил из внутреннего кармана пухлый бумажник и положил на стол несколько купюр.

– Кстати, о неизвестном убийце телят, – сказал Сыскарь, убирая деньги. – Он на местных оленей тоже нападает, ты не в курсе?

– На оленей? – с удивлением переспросил фермер.

Они рассказали о том, с чем столкнулись вчера вечером на дороге в Кержачи.

– Не знаю, – покачал головой Александр. – Это запросто могли быть и волки. Или тот же медведь. Правда, настолько близко к селу они обычно не подходят, но мало ли...

Половина дня прошла в подготовке. Компаньоны ещё раз внимательно осмотрели скотный двор с двумя коровниками, определили место для засад – по одному на коровник, проверили оружие (оба частных детектива предпочитали современный отечественный девятимиллиметровый пистолет «Грач» с магазином на восемнадцать патронов), пообедали в доме у заказчика и снова устроились в беседке на воздухе.

– Сейчас, после обеда, мы сделаем вид, что уезжаем, – объяснил хозяину план операции Сыскарь. – И так уже вся деревня в курсе, кто мы такие. Мало того. Заедем к тем, кого мы знаем, – попрощаться. К Нине Петровне и Светлане. Нине Петровне скажем, что пришлось

отказаться от затеи – мол, срочное дело в Москве образовалось. А как стемнеет, тихонько вернёмся. Хорошо бы по другой дороге. Есть такая?

– Есть, – сказал Александр. – Окружная грунтовка через лес и как раз недалеко от меня проходит. Очень удобно. Машину можно в лесу оставить, а сюда пешком пойти. По тропинке, я покажу. Никто не заметит, если поздно вечером. Мы здесь рано спать ложимся. Только... – Он посмотрел на друзей, и в его глазах мелькнуло сомнение.

– Боишься, что удерём с авансом? – усмехнулся Сыскарь. – Так мы его у тебя оставим, если хочешь. Вот здесь, на буфете. Потом заберём вместе с оставшейся суммой. Идёт?

– Не надо, – сказал хозяин фермы, секунду помедлив. – Я вам доверяю.

– Правильное решение, – одобрил Сыскарь. – Без доверия между исполнителем и заказчиком никакое дело не сладится. Но и проверка не помешает. А посему – вот тебе наши визитки. Здесь адрес фирмы, сайта, электронная почта, телефоны, имена и фамилии. – Он протянул Александру визитку, Иван сделал то же самое. – Всё настоящее, не переживай.

– А я и не переживаю, – сказал Александр. – Если в людях не разбираешься, то бизнес лучше и не затевать. Хотя, признаю, сомнения кое-какие поначалу у меня возникли. Уж больно вы бойкие парни.

– На том и стоим, – подмигнул Сыскарь. – В нашем деле без бойкости, юркости и ловкости – никуда. Ну и головой надо уметь соображать, не без этого.

– И даже наоборот, – подал реплику Иван. – Сначала соображать головой, а уж потом проявлять бойкость, юркость и ловкость. В связи с этим у меня вопрос. Точно никто из местных не мог это сделать? Может, ты обидел кого ненароком, а потом забыл? А он не забыл. Подумай как следует.

– Сто раз уже думал, – сказал хозяин фермы. – Всех перебрал. Бесполезно. Нет таких, никого не могу подозревать. Или тогда уже сразу всех, – он вздохнул с снова закурил. – Вот задачка, а?

– Нормальная задачка, – заверил его Сыскарь. – Не труднее многих. Но Иван прав. Прежде чем устраивать засады, необходимо выяснить всё, что только возможно. И методом исключения... Скажи, а новые люди в деревне появлялись за последние несколько месяцев? Не считая Светланы, понятно.

– Есть у нас один новый человек, – кивнул Александр. – Григорием зовут. Наш... как бы это сказать... местный колдун, что ли. Да вы его видели. Он мимо нас проходил, когда сюда ехали.

– Желтоглазый, бородатый, в разноцветном плаще и с чудным посохом? – быстро уточнил Сыскарь.

– Он самый.

– А почему колдун? – удивился Иван.

– Потому что он и есть колдун, – пожал широкими плечами Александр. – Наш деревенский колдун.

– Настоящий? И что он делает?

– Что делают колдуны? Колдуют. У меня однажды четыре коровы пропали на летнем выпасе: пастух мало того, что собаку не взял, заболела она, так ещё и уснул, зараза, они и отбились от стада, заблудились, ушли аж к дальним болотам. Хрен бы я их нашел, если б не Григорий. Да и не только это. Зубную или там головную боль заговаривает на раз, лучше всяких таблеток. Ни одна бабка у нас да и во всей округе так не умеет. Вообще, лечит. И людей, и животных.

– Что, от всех болезней? – прищурился Сыскарь.

– От всех – не от всех, но с тех пор, как он у нас появился, в поликлинику райцентровскую народ, считай, и ездить перестал. Похмелье – и то снимает!

– Да ты что! – не поверил Сыскарь. – Не может быть.

– Правду говорю. Сам не сильно верил, пока однажды не попробовал. Бабы наши на него чуть не молятся. И то. Раньше как было? Похмелился мужик наутро после хорошей гулянки раз-второй и готово дело – на завтра ещё хуже, а там и запой. А теперь жена его сразу к Григорию тащит. Тот пошепчет что-то, голову бедолаге помассирует, даст настоя выпить травяного. И всё. Никакого похмелья, как новенький человек. Да что там похмелье! Алкоголиков лечит! Правда, тех только, кто сам хочет избавиться. У нас до его прихода человек пятнадцать-двадцать пили запоем, ничего им не помогало. Включая женщин. И кодировались уже, и по-всякому. А он вылечил. Сейчас в деревне всего-то четыре алкаша остались. Но эти сами не хотят к Григорию идти. Водка им дороже жизни.

– Чудеса, – констатировал Сыскарь. – И дорого берёт этот... народный целитель за свои услуги?

– С кого как. И почти никогда деньгами. Продуктами берёт, работой по хозяйству, бабы ему обеды варят, мужики из города привозят что попросит. Так и живёт. Говорит, что деньги ему практически не нужны. Зачем, говорит, деньги, когда вокруг столько добрых людей? Его у нас любят, он никому не отказывает и часто помогает абсолютно бесплатно. Особенно советом. Когда что сажать, в какой день лучше свадьбу играть или там детей крестить, рыбу ловить, грибы собирать, в райцентр ехать или ещё куда. И, главное, никогда не ошибается. Как скажет, так и будет. Одно слово – колдун.

– Надо же, – покачал головой Иван. – Я думал, всех колдунов или там шаманов всяких ещё при советской власти извели. Да и вообще – сказки это. Для тех, кому ещё в школе учиться было лень, а уж потом – тем более.

– Что у вас в городе сказка, то у нас в деревне иногда самая обыденная вещь, – хмыкнул фермер. – Ты вот про снежного человека, например, слышал? Тоже небось сказкой считаешь. А у нас его многие встречали. – Он обвёл притихших детективов серьёзным взглядом и добавил: – Особенно те, кто после бестормозной пьянки не к Григорию идут, а похмеляются три дня. Палёной водкой.

И захохотал.

Отсмеявшись, он, тем не менее, уверил враз помрачневших друзей, что всё, сказанное им в отношении Григория, – чистая правда. И это ещё не всё. По словам Александра, вышло, что колдун Григорий способен даже вызывать дождь или, наоборот, при необходимости разогнать тучи. Прошлым летом, когда не то что район или область – полстраны от засухи страдало, Кержачи горя не знали, – всё на огородах и в садах вызрело в срок и в полном объёме. А почему? Григорий постарался. Аж похудел, глаза ввалились, но дождь в Кержачах шёл, когда надо и сколько надо. Кроме этого, умеет деревенский колдун с животными разговаривать и птицами. И даже, кажется, с деревьями. Тут, правда, Александр точными сведениями не обладает, но по деревне ходят рассказы, что слушается Григория всякая божья неразумная тварь беспрекословно. Вот был зимой случай...

– Погоди, – остановил фермера Сыскарь. – Детали потом. Скажи лучше, почему ты к нему не обратился с этой своей проблемой, если он такой сильномогучий?

– А я боюсь, – просто ответил фермер, помедлив.

– Чего?

– Сам точно не знаю. Может быть, как раз того, что он такой сильномогучий. Мне вообще кажется, – он огляделся по сторонам и понизил голос, – что к таким людям, как Григорий, надо как можно реже обращаться. Только в самых-самых крайних случаях, когда уже совсем припрёт. Потому что не от бога его сила, как я думаю. Ох, не от бога. А если не от бога, то от кого? Вот то-то и оно.

– Так ты верующий, Саша? – почти ласково осведомился Андрей.

– Крещён, – сказал тот. – И в церкви бываю. Редко, правда. Надо бы чаще.

– Я думаю, эту тему нам лучше не трогать, – сказал Иван. – Там, где начинается всякая мистика с религией, сыщикам делать нечего. Мне, если честно, по барабану, откуда у этого Григория его способности – от бога или от дьявола. Мне другое интересно. Сам он не мог телят этих зарезать и обескровить?

– Bravo, напарник! – похлопал в ладоши Сыскарь. – Прямо с языка у меня снял. Уж больно подходит наш колдун на эту роль. Кровь невинного теляти, полнолуние... Опять же, до его появления в деревне такого не случалось. А, Саша? Или случалось? И когда вообще этот Григорий в деревне появился?

– И откуда, – добавил Иван.

Александр задумался, попыхивая сигареткой. Друзья ждали. Вокруг разливался покой, невозможный в городе. Со своими деревенскими звуками, цветами и запахами. Жужжание майской пчелы на цветке, далёкое мычание коровы, синяя тень от облака на зелёной траве, нагретые солнцем брёвна...

– Нет, – уверенно сказал Александр, и деревенский покой мгновенно ушёл на второй план, став мало что значащим фоном. – Не мог он. Его и в деревне-то не было в эти дни, я вспомнил. Уезжал он куда-то по своим делам. А появился Григорий у нас... – Он пошевелил губами, подсчитывая. – В августе два года будет как. Купил заброшенный дом, привёл его в порядок, стал жить. Постепенно со всеми познакомился, его приняли. К чужакам-то мы не особо расположены, но Григорий... Свой он, деревенский, это сразу видно. Да, необычный человек, таких теперь и не осталось почти. И непростой. Есть у него, чую, какая-то тайна в прошлом, о которой он молчит. Ну да это его дело. Однако у властей к нему никаких претензий за это время не возникло, а у нас тем более. Какие могут быть претензии к тому, кто тебе всегда помочь готов?

– И всё-таки за помощью к нему обращаться ты не захотел, – констатировал Сыскарь.

– Не захотел, – опять подтвердил Александр. – И хватит об этом. Вам что, работа не нужна?

– Не лезь в бутылку, Саш, – сказал Андрей и со вкусом потянулся всем своим длинным телом. – Мы уже на тебя работаем. А задавать вопросы входит в наши обязанности. И вопросы эти не всегда приятные. Ладно, будем считать, что с Григорием этим мы более менее разобрались. Не было его в деревне, значит, не было. Против алиби не попрёшь. Давай ты покажешь нам заветную тропинку, о которой говорил, а дальше будем действовать по плану.

Двадцать пять поколений. И в каждом он искал свою Зоряну – аватару, девушку, в которой с наибольшей силой проявляется душа целого народа. Чаще – находил. Чтобы полюбить, вызвать ответную любовь, а затем погубить. Лучше, конечно, духовно, насколько это возможно. Или, в самом уже крайнем случае, физически. Последнее было сделать одновременно проще и труднее всего. Потому что убить того, кого ты любишь, почти невозможно. Даже во имя великой цели. Даже тому, кто за многие века погубил столько душ, что давно потерял им счёт. Это всё равно что убить самого себя и даже ещё страшнее. И всё-таки... Дважды за все эти длинные, бесконечные и такие короткие, словно вмиг пролетевшие века он убивал своих любимых. Своими руками, так как чужими сделать это было и вовсе нельзя – наёмные убийцы или отказывались от поставленной задачи в самый последний момент и под любым предлогом, или с ними самими происходили несчастные случаи различной тяжести. Вплоть до смертельного исхода. Тот, кто заключил с ним сделку – тогда, в лето шесть тысяч пятисотое от сотворения мира, или, следуя новому летоисчислению, в 991 году от Рождества Христова, сразу предупредил, что подсылать к аватару наёмных убийц или пытаться устроить якобы несчастный случай – пустой номер. Уж больно силен у аватары ангел-хранитель, который умеет отвести от своей подопечной любую беду. Кроме одной. Если за дело возьмётся сам Григорий. Лично.

Да, два раза. И оба смертоубийства стоят перед глазами, как будто случились вчера. И всё так же рвут душу. Или то, что от его души осталось...

Не хотелось бы пройти через это в третий раз. Нет, не так. Третьего раза просто не будет. Слишком много неудач и разочарований, слишком он устал терпеть поражение в полушаге от победы. Да что там в полушаге. Бывало и так, что победа уже лежала в кармане. Трудная, заслуженная, только что рождённая победа. Лишь сбереги её, вырасти, укрепи... Но карман всегда оказывался дырявым, и всё приходилось начинать сначала.

Вот и сейчас, здесь, в этом удивительном и странном, но, если приглядеться, всё ещё знакомом мире, в совершенно иной, но, опять же, если посмотреть пристальней, такой узнаваемой России ему пришлось не просто заново осваиваться, а буквально всё строить с нуля. Примерно как человеку, который в один прекрасный день очнулся на больничной койке и обнаружил, что решительно ничего не помнит из того, что происходило с ним прежде, и не знает, где он находится.

Однако приспособиться к новым обстоятельствам, времени и месту ему удалось довольно быстро. Самое главное, что люди по сути своей практически не изменились. Ими по-прежнему управляли голод, любовь, жажда денег и славы и вечная надежда на чудо. На то, что невеста откуда взявшийся волшебник придёт, взмахнёт своей чудесной палочкой, и сразу все проблемы решатся: здоровье вернётся, дети станут слушаться родителей, враги и начальство сгинут, а друзья и деньги умножатся. Мало того. Люди не только надеялись на чудо, они верили в него. Может быть, не так истово и явственно, как в прежние времена, но всё так же неизбежно. А там, где есть вера, всегда найдутся и её адепты. Он, Григорий, помнится, весьма поразился, когда понял, какое невероятное количество людей в этом, казалось бы, насквозь образованном и обладающем громадной массой научных знаний мире готовы нести замороженным ведуньям и ведунам (в абсолютном своём большинстве – самым натуральным шарлатанам и мошенникам) последние сбережения, дабы те сняли с них всеразличную порчу, избавили от родовых проклятий, излечили родных и близких от запойного пьянства, а также нашептали кучу денег и бешеный успех среди особой противоположного пола детородного возраста.

Эх, люди-людишки, знали бы вы, что такое настоящая порча или нашептаный денежный успех и чем за это приходится платить... Но нет. Они не знали, и, что самое удивительное, знать не хотели. Им нужно было только одно: быстрый результат при минимуме их собственных усилий.

Что-то, а добиваться нужного результата колдовскими способами Григорий умел, как никто другой. Ему и в те давние времена, когда на земле русской свободно жили не самозванные, но истинные волхвы да ведуньи, равных было мало, а уж теперь и вовсе – хоть весь свет обыщи, даже отдалённо сравнимых по силе не найти. Измельчали адепты. Ох, измельчали. Оно, впрочем, и на руку – никто не сможет помешать по-настоящему. Если, разумеется, не считать церковь и светские власти. Но времена в этом смысле нынче стоят благодатные – на ведьм и ведьмаков, за неимением последних, уже давно никто не охотится. Правда, и помощи ждоть неоткуда, но он давно привык обходиться только своими силами. Не впервой.

Григорий отворил скрипнувшую калитку (давно, кстати, надо петли смазать, да всё руки не доходят) поднялся на крыльцо, отпер дверь и вошёл в дом. Свой дом. Не так уж часто ему доводилось жить в собственных домах – всё больше по съёмным углам или вовсе у чужих людей. А уж в таких, как этот – просторном, отремонтированном, с электричеством, водой и газовой печкой, – и вовсе впервые. Всё-таки больших успехов достиг человек за последнюю тысячу лет в деле обустройства собственного жилища. Грандиозных. До сих пор иногда то же электричество кажется чистым колдовством. Не говоря уже о всяких там автомобилях, телевизорах, сотовых телефонах, компьютерах и прочих изделиях рук человеческих, к которым сначала он и вовсе не знал, с какого конца подойти и которых, если уж быть до конца честным, даже боялся.

Хотелось чаю. Он снял и повесил на вешалку плащ, оставил посох и сумку в прихожей (травы, собранные сегодня в лесу, могли немного подождать) и проследовал на кухню. Поставил на огонь чайник, присел к столу, достал любимую трубку, набил её табаком и закурил. В том, что новая учительница, Светлана, именно та, кого он всегда искал и чаще всего находил, Григорий убедился, как только её увидел. И так было всегда, с тех самых пор, когда он впервые встретил Зоряну...

Теперь предстояло многое обдумать и ещё больше сделать. Тем более что в село неожиданно-негаданно нагрянули эти два частных сыщика из Москвы.

Он их приметил еще вчера на дороге, когда они сначала чуть не задавили преследуемого им оленя, а после оказали животному медицинскому помощь. Гуманисты, мать их. Одно слово – городские. Хотя, правду сказать, вырвавшегося оленя он преследовал скорее по привычке, крови – насытиться – ему хватило. Но сам факт вмешательства, пусть даже случайного, в его, Григория, дела заставил насторожиться. Он прекрасно знал, что просто так никогда, нигде и ничего не происходит, и появление этих двоих должно что-то означать. Возможно даже, что-то очень важное. Узнать, что сыщики искали его Светлану, нашли, встретились с ней, остались в Кержачах и заночевали у завуча школы, было не сложно. Равно как и подослать ночью к открытому окну филина-слухача. Влюбились, значит, идиоты городские? Ну-ну. Дорого вам эта любовь обойдётся. Ох, дорого. Потому что тем, кто вольно или невольно посягает на принадлежащую ему, Григорию, собственность, приходится платить. Всегда. А Светлана – его собственность. Пусть пока и не знает об этом. Ничего, узнает, она не первая. Первой была Зоряна. Да, Зоряна...

Неотвратимые, словно океанский прилив, подступили воспоминания.

Глава 4

Зоряна вместе с отцом, дядей и младшим братом вернулась из Новгорода на пятый день после того, как умер Велеслав, и Самовит по древнему обычаю сжёг тело старого волхва на берегу реки. К этому времени пепел погребального костра успел остыть, а вот сердце Самовита – нет. И даже наоборот. Дел в эти пять дней у ведуна было по самое горло. Одна только задача – вывезти из дома Велеслава сундук с пергаменами и перепрятать в надёжное место, да так, чтобы никто не увидел и не узнал, – потребовала кучу времени и усилий. А ведь ещё нужно было продать дом, который Велеслав за неимением родни оставил Самовиту. Хороший дом – крепкий и просторный, хоть сам живи. Однако Велеслав заранее предупредил: «Лучше продай, да побыстрее. И вообще, старайся не привязываться к жилью. Впереди новые времена, и твоё обиталище – заимка дальняя в лесу густом, куда не всякий княжий гридень доберётся, не то что греческий поп. А в городе ты любому открыт и доступен – бери голыми руками». Вольно ему, назавтра ушедшему туда, откуда нет возврата, было советовать. Мёртвых, известно, земные дела не касаются. За особым исключением. А ты попробуй дом волхва продать. Не всякий купит, даже если с деньгами. Из боязни в первую голову. Мало ли что. А ну как начнут в том доме сны приходиться чудные-страшные да мысли странные? Или – того хуже – сам бывший хозяин по ночам являться? Чур меня, чур, поищу лучше другое жильё. Или вовсе новое построю. А здесь пусть дурак селится.

Нашёл в конце концов покупателя – молодого купца, почти ровесника, которому тесно стало в отчем доме. Да так, что хоть в шалаш или землянку, только побыстрее. Цену, конечно, удержать не вышло, но, главное, волю покойника исполнил.

Но за всеми этими заботами он ни на секунду не забывал о Зоряне и о том, что сказал ему за день до смерти старый волхв. И когда узнал о том, что Зоряна вернулась, отложил все дела и поспешил с ней встретиться. Шёл по улице с большой радостью и ещё большей тревогой на сердце. Как примет? Что скажет? Прав оказался старый волхв или всё же ошибся?

Как мучили и жгли душу эти вопросы! Казалось бы, чего проще – раскинь накануне кости с рунами или, того лучше, заруби чёрного петуха да устрой волшбу на распознавание знаков судьбы. Умеешь ведь. Но – нет. Не стал делать. Боялся? И это тоже. Но ещё и потому не стал, что знал – тот, кто наблюдает, так или иначе влияет на того, за кем наблюдает. Мало того. Чем упорней наблюдатель в своём стремлении разглядеть какой-либо смысл в знаках судьбы, тем больше вероятность, что он сам себя обманет. Другое дело – прямое непосредственное воздействие. Но тогда ещё Самовит и подумать о подобном не смел.

Волхв оказался прав.

Его даже в дом не пригласили.

Отец и дядя любимой вышли на крыльцо, говорили вежливо, но твёрдо.

Знаем о твоих видах на Зоряну, Самовит. И о том, что ты свободный, не бедный и уважаемый многими человек, знаем тоже. Сами испытываем к тебе большое уважение, поверь. И помним о том, что был ты Зоряне люб. Но. Мы все, семья наша, теперь приняли Христа и не можем допустить, чтобы ты, нехристь и язычник, ведун, первый ученик покойного волхва Велеслава, взял Зоряну в жёны. Да и не Зоряна она теперь, забудь. Ольга. Вот её настоящее христианское имя. Извини и без обид. Ладно?

Без обид, говорите? Века и века прошли с того разговора, а обида – вот она, саднит и печёт, как вчера нанесённая. Да так, что рек чужой крови не жалко, чтобы её залить. И ведь пролились те реки, пролились. И ещё прольются. Потому что договор, который он заключил, остаётся в силе, и главное дело его бесконечно длинной и безнадёжно загубленной жизни не сделано.

Он тогда не поверил. Вернее, не захотел поверить.

Вы – ладно, сказал. А Зоряна-то сама что думает? Или у неё право слова теперь отняли? Ольга, ответили ему. Ольга, а не Зоряна. И никто ни у кого права на слово не отнимал. Наоборот, решили, что так тебе же легче будет.

Не хочу легче.

Как скажешь, пожали плечами. Ольга! Выйди-ка на крылечко! Тут Самовит пришёл, хочет от тебя слово услышать.

И Зоряна вышла...

Он сразу увидел, что у любимой изменились глаза. Был взгляд озорной, весёлый, с лукавинкой, а стал... Так смотрит тот, кто решил для себя окончательно какой-то очень важный вопрос, и теперь ему странно, что другие до сих пор плутают в трёх соснах в поисках ответа.

«Что мне сделать, чтобы ты вышла за меня?» – спросил он.

Если бы она сказала – сделай крылья и прыгни с обрыва, чтобы полететь, как птица, он, не раздумывая, сел бы за работу, а затем прыгнул, рискуя сломать шею. Но она ответила тем, чуть ли не единственным ответом, которого он страшился больше любого другого.

Прими новую веру и крещение,пусти в сердце Христа. Тогда я стану твоей женой. По-другому – никак.

И во взгляде Зоряны (нет, уже Ольги, Ольги), и в глазах её отца и дяди он очень ясно прочитал, что по-другому и впрямь никак.

Для них.

Но не для него.

И он это понял сразу, мгновенно. А как только понял, тут же ушёл со двора Зоряны (Ольги! Ольги!), попрощавшись вежливо и даже где-то смиренно. Что-что, а прятать свои истинные чувства и мысли ведун должен уметь, как никто другой. Если, конечно, он настоящий ведун.

Да, вероятно, именно тот миг и стал поворотным в его жизни. Миг, когда он даже не сердцем, не печёнкой, не душой даже, а всем своим – человеческим и надчеловеческим – естеством осознал, что будет драться. За любовь, за веру, за надежду. А в драке все средства хороши. Если, конечно, очень хочешь победить. И тот, кто смог эти средства предоставить, не замедлил появиться...

Отчаянно свистел на огне чайник, выкипевший уже чуть ли не до дна.

Григорий вздрогнул, посмотрел на зажатую в кулаке погасшую трубку, положил её на стол, встал и выключил газ. Ничего нового. Снова *эти* воспоминания увели его из реальности лучше всякого колдовского зелья. И снова без толку. Вспоминай – не вспоминай, а сделанного не воротить и не изменишь. Даже ОН – тот, чьё имя не стоит лишний раз поминать, – не способен на такое. Да и нужно ли его возвращать и менять? Лучше действовать в настоящем и менять его так, как это нужно тебе. Или даже измениться самому, хоть это и гораздо труднее. И тогда, совершённое когда-то – не важно, по ошибке, со зла, по чьему-то наущению или же, наоборот, с полным осознанием собственной правоты – перестанет тревожить и забудется, как забываются сны. Даже самые яркие.

Да, сны. Поспать – это правильно. Хотя бы час-два. Сегодня он встал до рассвета, а предстоящая ночь потребует много сил. Очень много.

Забыв, что хотел выпить чаю, Григорий принёс из прихожей сумку с травами и, действуя с веками наработанной сноровкой, разложил какие-то сушиться на специально устроенных для этого деревянных полках, а иные, связанные пучками, подвесил на протянутых под потолком верёвках. Затем прошел в комнату, не раздеваясь, улёгся на тахту и уже через минуту спал крепким сном без сновидений.

Бесшумные засады бывают. Андрей Сыскарёв по прозвищу Сыскарь, бывший разведчик-мотострелок и опер убойного отдела, а ныне частный сыщик, знал это очень хорошо. Как

человек, в такие засады попадавший и сам их неоднократно устраивавший. Другое дело, что устроить бесшумную засаду, в отличие от попадания в оную, трудно. Тут всё упирается в пресловутый человеческий фактор. Если бойца или оперативника не научили прятаться и вести себя в засаде тихо, если у него не хватает терпелки на время ожидания противника или преступника забыть о своих настоящих и мнимых физиологических потребностях и неудобствах, будь то желание отлить, чихнуть или почесать спину, то, разумеется, о бесшумности можно забыть. Как и о хороших шансах на успех засады. Оно, конечно, и сам противник, а равно и преступник часто бывает таким тупым лосем, что дальше некуда, но надеяться на это не стоит. Это всё равно что всерьёз рассчитывать на промах того, кто направил на тебя ствол и уже жмёт на спусковой крючок. Лучше быстро убраться с линии огня. Или хотя бы выстрелить первым.

Так же большое значение имеет место, выбираемое для засады. По возможности оно должно быть не только удобным для скрытого расположения и последующего неожиданного нападения, но и хотя бы относительно комфортным. То есть если вы умудрились лечь в засаде на муравьиную кучу и заметили это как раз в тот момент, когда нужно вести себя особенно тихо... В общем, как говорится, в этом случае вам не позавидуешь. Надо было смотреть. Другое дело, что иногда и выбирать не из чего, но это уже отдельная песня...

В данном же конкретном случае место для засады и выбирать не пришлось – сарай для хранения кормов подошёл идеально.

Это он только назывался так – сарай. А на самом деле вполне себе капитальное бревенчатое сооружение, загруженное и насквозь пропахшее сеном, с двумя небольшими очень удобными для наблюдения окошками по обе стороны от дверей, которые впору назвать воротами. Как раз по окошку на брата. И по паре глаз брата на коровник. Сарай для кормов располагался на скотном дворе фермера Александра Вежина как раз таким образом, что из окошек прекрасно наблюдались оба стоящие рядом коровника и просматривалось всё пространство перед и между ними.

В общем-то было понятно, как сторожа могли раньше не заметить таинственного убийцу телят.

В сами коровники попасть можно было тремя путями. Обычным – через двери. Необычным – через три окна, расположенные в каждом из этих обиталищ для крупного рогатого скота лишь с одной стороны. И совсем уж необычным и трудным – через крышу. Предварительно часть этой самой крыши разобрал.

Крыши исключили сразу. Они были прочные, двускатные и двухслойные, крытые шифером. Незаметно и быстро сделать ночью лаз в такой крыше нереально. Обязательно на шумишь, и тебя заметят. И это одинаково касается и человека, и зверя, каким бы ловким, хитрым и сильным он ни был.

Остаются двери и окна. Вот тут – запросто. Вход, а равно и въезд, на скотный двор, возле которого торчала будка сторожа, располагался точнёхонько в «створе» между коровниками и сараем для кормов. Посередине. Таким образом, что двери-то коровников из сторожевой будки видно. А вот окна – нет. Если с задов скотного двора, с той стороны, где за торцами коровников вовсю распространяли специфические запахи навозохранилище и два колодца для сбора мочи, тихо перебраться через ограду (это не составляет большого труда), а затем так же тихо залезть в окно, то можно и остаться незамеченным. Особенно в том случае, если сторож дует чай (или чего покрепче) в своей будке и совершить профилактический обход вверенной для охраны территории ему и в голову не приходит. А зачем, собственно? Кому нужны эти коровы с телятами, пусть и элитные, если в селе все свои? Оказалось – нужны. И даже уже дважды...

В засаду друзья, напарники и компаньоны сели ровно в четверть двенадцатого или, говоря привычным им языком, в двадцать три часа пятнадцать минут.

А перед этим сделали всё, как и намечали. Заехали попрощаться сначала к завучу школы Нине Петровне Ивановой, а затем и к Светлане. Оба прекрасно осознавали, что по большому счёту к Светлане можно было и не заезжать. В том смысле, что для предстоящего дела это было практически неважно. Но отказаться от любой, пусть даже самой ничтожной, возможности увидеть молодую учительницу они никак не могли.

Светлана приняла гостей приветливо. Напоила чаем, посетовала, что Андрей с Иваном уезжают так быстро: «Остались бы на пару деньков, отдохнули. Воздух здесь... Да меня теперь, после этого воздуха, в Москву никаким калачом не заманишь!»

«Ну, в Москве свои плюсы и преимущества», – солидно заметил Иван.

«И какие же, например? – насмешливо осведомилась Светлана. – Доступный Интернет? Развлечения? Возможность заработать?»

«Ну хотя бы и так», – промямлил Иван, уже пожалевший о своих словах в защиту столы.

«Доступ в Интернет здесь есть, – сообщила Светлана. – Всё, что мне нужно, я скачиваю без особых проблем. И общаюсь в Сети так же, как общалась в Москве. Теперь развлечения. Ночные клубы и рестораны терпеть не могу. Концерты, кино, театры? При наличии Интернета, я могу смотреть любое кино, когда пожелаю. К концертам равнодушна. Театр – да, люблю. Но вполне могу обойтись. Остаётся возможность заработать...»

«Да я уже всё понял, – жалобно сказал Иван. – Пощади, не добивай».

«Ага, – подтвердил Сыскарь. – Мы уже любим Кержачи всем сердцем. Поверь».

Светлана засмеялась. И столько непосредственной, весёлой и солнечной теплоты было в её смехе, что друзья только прерывисто вздохнули.

Затем, точно по плану, они выехали из села, свернули на просёлочную дорогу, укрыли кроссовер в лесу и по уже известной малозаметной тропинке пробрались к ферме Александра...

Над лесом поднялась полная луна. Она казалось нереально близкой – эх, не растут крылья за спиной, чтобы долететь за несколько взмахов!

Сразу посветлело, и скотный двор с двумя стоящими рядом коровниками лежал, полностью доступный искательным и пытливым взорам друзей-сыщиков. Ну, почти доступный. Всё-таки увидеть происходящее за навозохранилищами они не могли. Но это было и не нужно.

Ноль часов двадцать восемь минут. Больше часа в засаде. Ерунда, это не время. Бывало, и всю ночь до рассвета приходилось сидеть. И не всегда, кстати, дожидаться... Закурить бы. Нет, на фиг. Во-первых, бросил. А во-вторых, дым. Ну и что – дым? Сторож в своей будке курит, вот и дым. Сторож в будке курит, а ты здесь хочешь, умник. Кстати, в-третьих, курить в сарае для кормов строжайше запрещено. Не приведи господь, искра какая долгоживущая не туда упадёт – и большой привет засаде. Будешь огонь тушить, а не хитрого человека или зверя ловить. Тут же сено кругом и вообще... дерево. Да и нет у тебя сигарет, если что. Те, что в сумке лежат, не считаются. Сумка-то в машине. Лучше думай о Светлане. О том, какая она вся ладная да красивая. Какая замечательная у неё улыбка и смех. Какие чудесные зелёные глаза. Какие густые, тёплого медового цвета волосы. Очень хорошо такие мысли отвлекают от желания закурить. И не только от него. От наблюдения они тоже отвлекают. Так что, господин сыщик, думать-то думайте хоть о куреве, хоть о предмете вашей любви сколько угодно, но и о деле забывать не след... Опа. А это что? Показалось или...

– Пс-ст, – едва слышно произнёс Иван.

– Вижу, – одними губами ответил Андрей.

Что-то изменилось в тени между коровниками. В одном месте она словно бы стала гуще. И это сгущение, эта как бы тень в тени, двигалась. Рассмотреть, кто или что это, не представлялось возможным. Но само движение улавливалось. Очень медленное и плавное, с остановками на несколько секунд, но – движение.

– К окну подбирается, – шепнул Иван.

Сыскарь промолчал. План действий, и не один, они разработали заранее, и теперь осталось лишь понять, какому из них выпадет следовать.

Тень замерла возле первого окна, помедлила и, словно подросла, суживаясь и вытягиваясь. Снова замерла.

Человек? Пробирался на карачках, а теперь встал на ноги. Не понять. Теоретически это может быть и поднявшийся на задние лапы зверь. Медведь, например. Что мы знаем о медвежьих повадках? Ни хрена мы о них не знаем... Попробует открыть окно? Точно. Только это закрыто, друг. Иди к следующему. Иди, родной, иди, кто бы ты ни был. Среднее открыто. Как раз для тебя.

Тень послушно, будто подчиняясь мысленной просьбе Сыскаря, передвинулась к следующему окну. Ага. Кажется, открылось.

Днём Андрей с Иваном специально позаботились о том, чтобы деревянные рамы одного крайнего и одного среднего окна не закрыли на шпингалеты. Ловушка примитивная, но действенная. То, что кто-то по известному русскому разгильдяйству не проверил какое-то там окно в каком-то там коровнике, вряд ли может удивить или насторожить любителя телячьей крови (напарники всё-таки больше склонялись к предположению, что засаду они устраивают на человека, а не зверя).

Но вот то, что не лают собаки, действительно чертовски странно. Два здоровенных алабая на привязи в будках у сторожки. Сначала думали их убрать, но потом решили, что это будет уж совсем напозаказ. В прошлые-то разы овчарки тоже были и тоже ничего не учуяли. Молчали. Словно призрак телят прикончил. Или эти алабаи совсем уже... алабаи. Или...

Тень исчезла в окне.

– Вперёд, – тихо сказал Андрей, вытаскивая пистолет и снимая его с предохранителя. – Как договаривались. Ты – к окнам. Я – внутрь.

И первым выскользнул из сарая.

Глава 5

От ворот до ворот – восемнадцать шагов ровно. Специально днём мерили. Около девяти секунд, если не шуметь. Можно быстрее, но тогда будет громче. Они все-таки не какие-нибудь там ниндзя или спецназ ГРУ. Обычные опера, да ещё и бывшие к тому же. Хотя, говорят, бывших оперов не бывает. Но так чуть ли не о всех профессиях говорят. Особенно те, кто профессию свою любит. Мы любим. Вроде бы.

Бег от даже очень быстрой ходьбы отличается тем, что при ходьбе одна нога всегда касается земли. Значит, я всё-таки иду. «Грач» – у правого плеча. Стволом вверх, как положено. Кошу глазом налево. Алабаи мирно дрыхнут в своих будках, сволочи. Сторож в сторожке через окно показывает рукой – вижу, мол, бдю, всё в порядке. Кошусь направо. Рядом Лобан. Старый друг, верный боевой товарищ, напарник и компаньон. Если что, жизнь за него отдам, не думая. Да и отдавал уже, чего там. Как и он за меня. Не взяли. И слава богу. Видать, время не пришло. Вот пусть и дальше так. И подольше...

У самого коровника разделяемся. Лобан скрывается за углом, я тихо-тихо тяну на себя калитку, устроенную в воротах коровника специально для человека, и проникаю внутрь. «Отвори потихоньку калитку», – немедленно вспомнились слова и музыка известного романса. Отставить песню. Хорошо, петли смазали. Вообще неплохо подготовились, прямо скажем. Теперь бы ещё чуть-чуть удачи...

Пригнувшись, на полусогнутых – весь слух и зрение – Сыскарь крался вдоль стойл, в которых лёжа спали элитные парнокопытные.

Ближе к противоположному концу строения – там, где располагались стойла отелившихся коров вместе с клетками для телят, под потолком, старалась хоть как-то рассеять мрак шестидесятиваттная лампочка дежурного освещения. Всё лучше, чем ничего. Фермер Саша объяснил, что если основной свет не выключить, то коровы в большинстве своём будут ночевать стоя и, значит, пардон, меньше спать, а больше жрать и срать. А это никому не надо. Ни ему, ни скотникам, ни самим коровам. Потому что ночью не только человеку, но и его домашним и окультуренным животным спать положено. Невыспавшаяся корова – это уже нервная и раздражённая корова. Значит, считай, потери в молоке, мясе и общей прибыли.

Чёрт возьми, всего за один день он, Андрей Сыскарёв, узнал о бурёнках-кормилицах больше, чем за всю прошедшую жизнь! Вот и этим тоже его профессия интересна – с чем только не приходится в ней сталкиваться...

Так. Длина коровника чуть меньше двадцати метров, если судить по чертежу, и он уже прошёл половину этого расстояния. Ну, где же ты, гад, покажись, не стесняйся.

Он остановился и тихонько свистнул.

Что-то звякнуло слева и впереди. Громко замычала разбуженная обитательница стойла, и через проход метнулась на четвереньках тёмная фигура.

Всё-таки зверь?!

– Свет!!! – заорал Сыскарь.

Вспыхнули лампы под потолком – это сторож, как и было договорено, дёрнул по сигналу рубильник.

Вскочили на ноги и, судя по звуку, немедленно опорожнили кишечники несколько коров.

Потянуло свежей вонью...

Сыскарь, держа пистолет в обеих руках, сделал три широких быстрых шага вперёд, и в эту же секунду прямо на него, нос к носу, выскочил тот, на кого они устроили засаду.

Волк?!

Морда в крови, острые уши прижаты к черепу, серо-бурая шерсть дыбом, раскосые глаза горят жёлтым огнём, из оскаленной пасти капает слюна. И рык. Низкий, угрожающий.

Ох, и здоровый же, сволочь, даже не знал, что такие бывают, успела промелькнуть мысль, пока «Грач» вместе с держащей его рукой перемещался на линию прицела.

«Не стреляй, не надо», – явственно и убедительно произнёс чей-то голос в голове Андрея.

Сыскарь опешил. Палец, уже выбравший свободный ход спускового крючка, словно заledenел, отказываясь двигаться дальше.

Волк прыгнул.

Сыскарь выстрелил и промазал.

Зверь, словно кеглю, сшиб Андрея с ног (на мгновение тот почувствовал тяжелый сладковатый запах свежей крови, идущий из его пасти) и ринулся к воротам.

– Дверь!!! – заорал частный сыщик, одновременно переворачиваясь на живот и открывая огонь.

Потом он не раз прокручивал в памяти события, уложившиеся в эти самые, вероятно, длинные в его жизни пятнадцать – восемнадцать секунд, пытаясь понять, отчего не выстрелил сразу, как только увидел перед собой этого жуткого зверя.

«Но ведь я уже практически стрелял, – оправдывался Сыскарь перед самим собой. – И тут этот голос. Прямо в голове. Да громко так. Я бы даже сказал, властно. Любой бы растерялся на моём месте».

«Но ты – не любой. У тебя боевой опыт. И ты лучше многих знаешь, что побеждает тот, кто стреляет первый и сразу. Какой бы избитой данная истина ни казалась. Подумаешь – чужой голос в голове. Да хоть труба Иерихонская! Ты обязан был выстрелить».

«Знаю. Я и выстрелил»

«Ты выстрелил, когда он прыгнул и ударил тебя лапами в грудь. Ты, считай, падал и стрелял туда, где его уже не было. В пустой след. Машинально. Потому и не попал».

«Ладно, согласен. Но потом, пока он нёсся к воротам коровника, я выпустил в него четыре пули. Четыре! И все прошли мимо. Кроме последней. Да и та лишь задела по касательной, шкуру малость попортила, и всё. Он как будто заранее точно знал, когда я нажму на спусковой крючок, и в это же мгновение прыгал чуть в сторону, менял направление движения. Да я, считай, видел, как пули проходили от него в паре миллиметров буквально! Шерсть вздымалась!»

«В миллиметрах не считается. К тому же четвёртый выстрел был точен. Почти. Ты схитрил и в самый последний момент, когда боёк ударил по капсюлю, повёл оружие влево – туда же, куда он прыгнул».

«Да, следовало догадаться раньше. Уже на втором выстреле. Или хотя бы на третьем. Но я догадался на четвёртом. Поздно. Слишком поздно...»

Так всё и было. Сквозь грохот «Грача» и ошалелое мычание проснувшихся коров волк скачками нёсся по проходу к воротам. Сыскарь лёжа удерживая пистолет двумя руками, стрелял и мазал раз за разом. Только четвёртая пуля прочертила в боку волка кровавую полосу, когда он совершал последний прыжок, нацеленный в калитку. Зверь взвыл на лету, ударился о калитку всем телом и вывалился наружу, мгновенно исчезнув из поля зрения.

Сыскарь оттолкнулся от пола руками и с низкого старта бросился вдогонку.

Снаружи ударили пистолетные выстрелы (ну, Ваня, хоть ты попади!) – раз, второй, раздалось громкое яростное рычание и крик боли, переходящий в отборный мат, после чего как по заказу захлебнулись отчаянным лаем сторожевые алабаи.

Проснулись, собачки, суку-мать вашу...

С пистолетом в руке и бухающим сердцем в груди, готовый убивать, Сыскарь выскочил из коровника.

Но убивать было некого, волк ушёл. А на земле, обхватив ладонью горло, сидел друг, боевой товарищ, напарник и компаньон Ванька Лобанов. Лобан. И при зыбком, призрачном, но

вполне достаточном свете полной луны было хорошо видно, как из-под пальцев Ивана сочится и бежит вниз, заливая куртку и майку, тёмная кровь.

– Лобан!!!

Андрей рухнул перед другом на колени, сунул «Грач» в наплечную кобуру и выхватил из внутреннего кармана куртки пакет с бинтом (закон, вызубренный ещё на Северном Кавказе, – индивидуальный перевязочный пакет должен быть на задании всегда при тебе):

– А ну, ложись!

Содрал с себя куртку, свернул, подложил другу под голову.

– Не успел... прости... я стрелял...

– Молчи, дурак. Сейчас посмотрим... Ну-ка, убери руку... Та-ак...

Хреново дело. Кажется, сонная артерия задета. Кровища так и хлещет. Ладно, делаем как учили.

Андрей прижал большим пальцем артерию ниже раны, перекрывая доступ крови.

Разорвал зубами бумажный пакет.

Чёрт, ещё одной руки не хватает. И света бы побольше.

Обернулся. За спиной с фонариком в руках маячил испуганный сторож.

– Свети сюда, на горло!

Сторож немедленно подчинился.

Уже лучше...

Он ухватился за один конец бинта зубами, размотал на длину руки, бинт уронил на грудь Ивану и принялся заталкивать свободный конец в рану.

Никогда раньше Сыскарю не приходилось останавливать кровь из разорванной или повреждённой сонной артерии, но он вспомнил, что в таких случаях рану следует набить стерильной марлей. Кажется, это называется методом тампонирования.

Ага, вроде унялась. Теперь ещё повязку сверху наложить, напоить чем-нибудь тёплым и безалкогольным и немедленно в больницу... Нет, отставить напоить, пока буду поить, он кровью истечёт. Сразу в больницу. Ёшкин кот, а больница-то здесь есть?!

Больницы в Кержачах, разумеется, не оказалось. Медпункт и пожилой фельдшер Семён Михайлович – вот и всё, чем располагало село в плане оказания жителям помощи при болезнях и травмах. Об этом Сыскарю сообщил вначале сторож, а затем и выскочивший из дома на шум выстрелов и лай собак хозяин фермы. Он, разумеется, не спал – ждал, чем закончится засада. И вот дождался.

Поднятый с постели телефонным звонком и прибывший на место происшествия фельдшер быстро осмотрел раненого, которого к этому времени перенесли в дом, похвалил Андрея за правильные и оперативные действия, наложил какой-то хитрый жгут, используя не менее хитрую специальную шину из проволоки, и сказал, что теперь нужна операция, которую он сделать не в состоянии.

– Везите в райцентр. Там хирурги и оборудование.

– Только так? – спросил Андрей.

– Другого выхода не вижу, молодые люди, – нервно поправил на носу очки Семён Михайлович. – Сонная артерия разорвана. Я здесь бессилён.

– Сколько до райцентра? – обернулся к Александру Сыскарь.

– Минут двадцать. Сейчас ночь, дорога свободна.

– Погнали! И прикажи своим, чтобы ничего внутри коровника не трогали и вокруг не ходили. Мне ещё потом всё тут осмотреть нужно будет как следует.

– Петрович, слышал? – обратился к сторожу Александр. – Никого сюда не пускать. И сам не лезь.

– Сделаем, – заверил тот. – Не беспокойтесь, ежайте уже скорее.

До райцентра они домчались ровно за семнадцать минут – фермер Саша оказался неплохим водилой и держал максимальную скорость, которую позволяла заасфальтированная ещё в советское время и с тех пор ни разу капитально не ремонтировавшаяся дорога.

Ещё пять ушло на путь по городу до больницы.

Слава богу, дежурный врач оказался именно хирургом и принял раненого (вместе с двумя немаленькими купюрами, которые Сыскарь аккуратно засунул ему в нагрудный карман), пообещав сделать все возможное.

– И невозможное, доктор, – сказал ему Сыскарь. – Если понадобится, сделайте и невозможное. Это мой друг, и он должен жить.

– Это теперь мой пациент, – ответил врач, статный блондин лет тридцати восьми. – А я, знаете ли, не люблю, когда мои пациенты умирают. Ждите.

Двери операционной закрылись.

– Я там, на улице, при входе, видел удобную лавочку, – сказал Александр. – Пойдём покурим.

– Пойдём.

Они вышли под ночное небо. Луна продолжала светить вовсю, и Сыскарь поймал себя на том, что свет этой вечной спутницы мечтателей и влюблённых ему неприятен.

Чисто психологический эффект, подумал он, ничего странного. Теперь свет полной луны долго будет у меня ассоциироваться с этой ночью. Не самой удачной ночью в моей жизни, прямо скажем.

Фермер Саша достал сигареты и протянул Сыскарю пачку:

– Будешь?

– А, один уже хрен, – чуть помедлив, вздохнул Сыскарь, взял сигарету и прикурил от поднесённой Сашей зажигалки. – Бросить хотел, – объяснил он фермеру. – Две недели не курил. Но с такой жизнью разве бросишь?

– Плюнь, – посоветовал Саша. – Не так уж и много у нас удовольствий, чтобы ещё и курить бросать.

– А как же здоровье?

– Стал бы ты сыщиком, если б здоровье берёг?

– Тоже верно, – вздохнул Сыскарь, откидываясь на деревянную спинку лавочки. – Вот Ваня. Лет пять уж как бросил курить. И что? Лежит теперь в операционной, а мы здесь. Курим.

– Надеюсь, все обойдётся, – сказал Александр.

– А уж как я-то надеюсь...

– Что там произошло, можешь рассказать? Я, памятуя ваш наказ, сидел дома и не высывался. Ну, то есть почти. В окошко-то выглядывал. Не выдержал, когда уже пальба началась.

Сыскарь лаконично, но не упуская важных подробностей, рассказал о том, как протекала засада. Вплоть до того момента, когда он выскочил из коровника и обнаружил раненого друга. Только о голосе, прозвучавшем в его голове за мгновение до выстрела, не стал говорить. Незачем. Он не сумасшедший, и не стоит, чтобы так считали другие. Особенно те, кто платит тебе за работу деньги.

– Ты абсолютно уверен, что это был волк? – спросил хозяин фермы.

– А кто же ещё? Морда точно волчья. Только...

– Что?

– Уж очень большой. Чудовищно большой, я бы сказал. Из меня, понятно, специалист по волкам тот ещё, но... Метр в холке, думаю. Это как, нормально? Да и вес. Он же меня на пол сшиб, когда прыгнул! Восемьдесят кило, никак не меньше.

– Метр в холке, говоришь? Ну-ну.

– Мне так показалось. Понимаю, что ты думаешь. У страха глаза велики и всё прочее в том же духе. Но я, знаешь ли, не первый раз замужем. И пострашней звери встречались. В человечесьем обличье, правда.

– Да брось, ничего я такого не думаю, – сказал фермер. – Хотя метр в холке и восемьдесят кило – это и впрямь многовато. Волки очень редко дотягивают и до девяноста сантиметров и семидесяти килограммов веса. Но отдельные экземпляры попадаются, надо признать. Мне дед рассказывал, что как-то раз подстрелил волка примерно таких же кондиций. Волк-великан. Жаль, ты своего не убил.

– Сам в непонятках, как такое могло случиться. – Сыскарь тоскливо вздохнул и выбросил окурок в стоящую рядом урну. – Давай-ка, пока суть да дело, вернёмся в Кержачи за моей, то есть нашей с Ваней, машиной. И заодно надо сторожа расспросить о том, что он видел. Потом коровник осмотреть и местность вокруг тоже.

– И очередного убитого телёнка, – сказал хозяин фермы. – Телёнка же он зарезал?

– Не знаю. Морда у него была точно в крови, но мёртвого телёнка я не видел. Не до того было.

До Кержачей ехали в молчании. Сыскарь, крепко расстроенный неудачей, подумал было завести разговор о возвращении аванса (задачу, как ни крути, они не смогли выполнить), но не стал. В конце концов, они установили, кто убивает телят, и теперь это дело охотников – выследить и убить чёртова зверя. Да и Лобану досталось по самое не могу. Неизвестно ещё – господи, помоги! – чем всё закончится. Порванная сонная артерия – это вам не палец ножом порезать. Как раз, между прочим, весь аванс и ушёл хирургу в карман. Так что ещё неизвестно, кто кому должен. А если хирург не справится... Нет, об этом лучше вообще не думать. Он справится. Он обязательно справится, и всё будет путём. Хорошо будет. Лучше всех. Да и не такие ещё дырки в нас вертели, чтоб мы от волчьих клыков могли загнуться. Пусть даже больших и острых.

И всё-таки куча серьёзных вопросов остаётся. Если это один и тот же волк, то почему предыдущие убитые им телята оказались обескровлены? Одно из двух. Или бывают волки-кровососы, о которых неизвестно науке, или не так уж убиенные телята были обескровлены, как нам рассказали. У страха глаза велики, как уже было верно замечено. Плюс разные домыслы. Хотя ветеринар подтвердил, что крови в теле оставалось хорошо если на стакан... М-да. Или это был не волк. То есть одно из трёх получается. Ага. Два раза не волк, а на третий – уже волк. То ли кровосос, то ли просто уникальный экземпляр или какой-нибудь мутант. А что? В наше время, когда неизвестно какую дрянь сливают в природу военные и промышленники, всё что хочешь может в лесах зародиться. Ну, сейчас-то ладно, вроде хоть как-то устаканилось. Но кто точно знает, что в этом плане творилось в «весёлых девяностых» прошлого века? Никто. Может, тут где неподалёку в местных лесах какой-нибудь умник радиоактивные отходы внаглую закопал лет пятнадцать-двадцать назад. Вот и результат. Нет, не о том думаю. Обвал головного мозга, ёшкин кот. На фиг. Значит, первым делом машину из леса забрать, потом коровник и всё вокруг тщательнейшим образом осмотреть и сфотографировать. Потом в райцентр вернуться, проверить, как дела у Лобана. Потом... Потом увидим. По обстановке. Да, Ирке не забыть позвонить, сказать, что задерживаемся по независящим. Вчера не позвонили, а зря. И даже не просто зря, а просто свинство с нашей стороны. Как-никак она член команды, хоть и секретарь. Отставить, без «хоть». Таких секретарей, как она, вообще не бывает. Нам с Лобаном офигенно повезло, что мы на неё наткнулись в своё время. Золото, а не девка. На лету всё хватает. А память! С такой памятью никакой «Яндекс» не нужен. Эх, вот влюбится, выйдет замуж, забеременеет, и что мы тогда будем делать? Но пока вроде не влюбилась. В отличие от нас с Лобаном, кстати. Да, завтра бы пораньше надо к Светлане зайти, признаться, что спецом ввели её в заблуждение относительно наших планов. А то неудобно получится. Она всё равно узнает – в селе новости мгновенно разносятся – и может крепко обидеться, что мы её вроде

как использовали. И доказывай потом, что ты не хотел, а дело потребовало. Я вам что, скажет, сплетница деревенская, по соседям языком трепать? Могли бы и вообще не заходить в таком случае. Уехали и уехали. Молча, по-московски. Мало ли какие срочные дела у людей бывают? Тем более у москвичей. Легко, в общем, может обидеться. Эх, навалилось проблем, откуда и не ждали. А так всё просто казалось – найдём девушку, и назад. Лёгкая прогулка за город. Заодно и воздухом подышим. Подышали, ёшкин кот...

С этими и другими не слишком весёлыми мыслями Сыскарь в компании с фермером Александром Вежиным въехал в Кержачи.

Глава 6

– Всё делал по инструкции, – бодро докладывал сторож Петрович, невысокий сухопарый старик лет семидесяти двух – семидесяти трёх с живым, изрезанным частой сетью морщин, лицом. – Не спал, алабаев-раздолбаев держал на привязи, был начеку. Как только заорали: «Свет!», тут же врубил. – Сторож умолк, прикуривая сигарету.

Они уже осмотрели коровник, мёртвого, истекшего кровью телёнка с разорванным горлом и теперь беседовали во дворе с Петровичем.

– Отлично, – кивнул Сыскарь. – Вы молодец. Без света мне там точно бы кранты наступили. Как я понимаю, волк в темноте видит лучше человека. Что дальше было?

– Дальше стрельба пошла. Три... Нет, четыре раза. Я от греха подальше сразу в сторожке укрылся, дверь на засов и – к окошку. Гляжу – волчара из коровника вылетел, что тот кум из дверей, которому кума по башке скалкой дала, а вовсе не того, чего он хотел. Да здоровый волчара-то! В жизни таких не видел. И тут ваш товарищ, – он кивнул Сыскарю, – как раз из-за угла вывернул и – ба-бах! Из пистолета. – Петрович двумя руками показал, как именно делал «ба-бах» из пистолета Иван.

– Попал?

– Точно сказать не могу. Показалось, вроде как попал. Ну, или крепко задел. Серый зарычал, да злобно так... И прыгнул. Ваш заорал матерно, снова выстрелил, но, по-моему, на этот раз точно промазал. Волк его сбил с ног, они и покатались. Так быстро всё случилось... Я и понять ничего не успел, тут ещё алабаи лают, аж захлёбываются. А в следующий момент гляжу, зверь вашего товарища бросил и к воротам. Одним махом взлетел, за верхний край передними лапами зацепился, когтями задних по воротине – шварк! – и нет его. Ищи-свищи. Я только рот открыл. Там же больше двух метров высота! А ваш сел, за горло держится, хрипит что-то. Тут и вы из коровника выскочили. Всё.

– Значит, утверждаешь, здоровый был волчара? – переспросил Александр.

– Ужас какой здоровый, – охотно подтвердил сторож. – Если б своими глазами ни видел, в жизни бы не поверил, что такие бывают. Моё дело, конечно маленькое, но... – Старик замаялся. Было заметно, что ему очень хочется продолжить, но он не решается.

– Давай, Петрович, выкладывай, не стесняйся, – подбодрил его хозяин фермы. – Нам сейчас всякое мнение важно.

– Только уговор – не смеяться, – строго попросил сторож.

– Не до смеха, Петрович, – сказал Андрей. – Товарищ мой – в больнице, ему сейчас хирург операцию делает. И я молюсь, чтобы она прошла успешно. Выкладывайте, что думаете.

– Не волк это.

– А кто? – поднял брови Сыскарь.

– Оборотень.

– Оп-па, – произнёс фермер Саша. – Приплыли. Ты, Петрович, уверен, что только один чай пил?

– Вот не хотел же говорить, старый дурень, – с досадой пробормотал сторож. – Кто меня за язык тянул... И всю жизнь у меня так. Ничего больше не скажу. – Он демонстративно отвернулся, глядя на полную луну, которая уже начала склоняться к горизонту. – Как хотите, так и понимайте.

Фермер вопросительно посмотрел на Андрея. Тот осуждающе покачал головой. Мол, зря это ты насчёт чая. Обидел человека.

– Брось, Петрович, – примирительно сказал Александр. – Не лезь в бутылку.

Петрович упрямо молчал.

– Ну, извини. Погорячился я. Само вырвалось.

Продолжая глядеть на луну, сторож вздохнул.

– Анатолий Петрович, – доверительным тоном обратился к нему Сыскарь. – Вы же человек серьёзный, трезвый. Должны понимать, что просто так подобные заявления делать можно, только тщательно их обдумав. У вас есть веские основания считать этого волка оборотнем? Если есть, я их очень внимательно выслушаю, обещаю.

Старик вздохнул ещё раз и убрал глаза от луны.

– Я тебя, Саша, вот таким помню. – Он показал рукой, каким помнит хозяина фермы. – Мы с твоим отцом, царство ему небесное, вместе на волков охотились и шкуры государству сдавали, когда ты ещё ползунком был. За полноценные советские рубли. А мне такие слова.

– Петрович, я же сказал, извини.

– Ладно. – Сторож бросил окурочек на землю и тщательно затоптал его сапогом. – Пошли, кое-что покажу. Интересное.

Они вышли за ворота, и Петрович повёл их на зады скотного двора с внешней его стороны. Лунного света пока вполне хватало, чтобы не пользоваться фонариками.

– Я уже после того, первого, раза подумал, что дело здесь нечисто, – говорил по дороге сторож. – Потом – второй случай. Как это может быть, чтобы человек или зверь пробрался в коровник, зарезал телёнка да ещё и всю кровь из него то ли выпустил, то ли высосал, и никто, включая наших овчарок-алабаев, ни сном ни духом. А? – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Только оборотень на такое способен. Ты, Саша, молодой, бабку Ульяну не помнишь, а я её живой застал. Так вот она рассказывала, что оборотень может любую собаку так за... – Старик запнулся, а затем проговорил тщательно, по-слогам: – За-гип-но-ти-зировать, что та его не почувет. Ну, или там глаза и нюх ей отвести, уж не знаю. Да они и без всякого гипноза так тихо и незаметно прокрадываются умеют – куда там этим, как их... ну, которые убийцы японские наёмные.

– Ниндзя? – догадался Сыскарь. – И кто такая бабка Ульяна?

– Точно, они. Ниндзя. Видел я кино – брехня, считаю. Хотя всякое кино – брехня, если рассудить. А бабка Ульяна... Была в Кержачах такая знахарка, ведунья. Тем же, можно сказать, занималась, чем сейчас наш Григорий. Лечила животных, людей... много чего делала из того, что обычному человеку не под силу. Больше полувека прошло, как умерла. Ленина Владимира Ильича знаешь? – неожиданно спросил он.

– Слышал кое-что, – хмыкнул Сыскарь.

– Так вот она была его старше лет на десять... Всё, пришли. Смотрите. Вот здесь он через колючку пробрался.

– Оборотень? – зачем-то спросил Александр.

– Нет, Ленин, – не удержался от язвительного ответа сторож, включил фонарь и направил свет на огорожу из колючей проволоки. – Видите?

Сыскарь тоже включил свой фонарь и присел на корточки, осматривая место возможного проникновения зверя на территорию скотного двора.

Так. Между рядами «колючки» сантиметров пятнадцать. Много – восемнадцать. Белка или там ёж какой-нибудь пролезут. Но волк – вряд ли. Да ещё и такой крупный. А человек? Если взять вот эти два, как специально валяющихся здесь обломка веток, и одну проволоку отжать вверх, а другую вниз... Столбы-то опорные довольно далеко друг от друга, как струну гитарную проволоку не натянешь при таком расстоянии. Ну-ка.

Он передал фонарик Александру, достал из внутреннего кармана куртки резиновые перчатки, натянул их, поднял с земли ветки и с их помощью раздвинул проволоку. Затем просунул левую ногу в образовавшуюся дыру и нагнулся, как бы собираясь протиснуться туда полностью.

– Догадался, – удовлетворённо заметил Петрович. – Теперь вижу – настоящий сыщик. А если к этим веточкам повнимательней присмотреться, то можно и ещё кое-что увидеть.

Сыскарь тут же забрал у фермера Саши свой фонарик и последовал совету. Ну конечно. Царапины! В тех местах, где ветки плотно соприкасались с «колючкой», их кора была заметно повреждена.

– Если думаешь, что это ты их сейчас поцарапал, – сказал Петрович, – то зря. Они такими уже были. Я видел.

– Ну у вас, Анатолий Петрович, и глаз, – восхищённо покачал головой Андрей. – Прямо аплодирую я вам.

– Я в разведке служил, – приосанился довольный сторож. – Три цельных года, не то что нынешние. Нас так учили – до смерти не забудешь.

Обломки веток Сыскарь прихватил с собой. В оборотней он не верил, но оставался вариант с прирученным волком, действиями которого руководил человек. Тоже вполне себе фантастический вариант, но всё же не до такой степени, как с оборотнем. К тому же никаких вещественных доказательств, кроме этих двух обломков веток, они так и не обнаружили. Чем чёрт не шутит, думал Сыскарь. А вдруг на них ещё и «пальчики» остались? Само по себе это, ясно, доказательство хилое – мало ли кто и зачем брал в руки эти ветки. И даже отгибал ими колючую проволоку. Но хоть что-то.

Утро Андрей Сыскарёв встретил в районной больнице на диване из некогда чёрного кожаного, который, судя по выпирающим пружинам, заплатам, трещинам и общему печальному виду, был здесь поставлен ещё в советские времена и доживал последние месяцы, если не дни. Ночью, когда Сыскарь вернулся в больницу из Кержачей, дежурный хирург (выяснилось, что его зовут Владимир Борисович) сообщил, что операция (тьфу-тьфу) прошла вроде бы удачно, и жизни раненого ничего не угрожает. Но пообщаться с ним можно будет – и очень недолго! – в лучшем случае завтра.

– А когда я смогу забрать его в Москву? – осведомился Сыскарь.

– Вы на машине? – спросил в ответ врач.

– Да, и на хорошей.

– Ну... Если всё пойдёт нормально, на что я очень надеюсь, то, думаю, через два-три дня можно будет рассмотреть этот вопрос. Нет, конечно, если вы готовы рисковать здоровьем друга, можно и завтра...

– С чего вы взяли, что я готов рисковать его здоровьем? – холодно удивился Сыскарь.

– Э... не знаю, – смутился врач. – Мне показалось, что у вас недовольное выражение лица.

– Просто устал, – растянул губы в улыбке Сыскарь. – Не обращайтесь внимания. Скажите, я могу ещё что-то сделать? Лекарства, деньги?

– Нет, что вы. – Хирург машинально притронулся к нагрудному карману. – Вполне достаточно, и всё необходимое у нас есть.

Андрей как раз успел посетить туалет, умыться, позавтракать в раннем кафе напротив и вернуться в хирургическое отделение, когда к нему подошла заранее простимулированная денежной купюрой дежурная медсестра и сообщила, что пациент Иван Лобанов проснулся и его можно увидеть.

– Пять минут, не больше, – предупредила она. – И учтите, что разговаривать ему нельзя категорически.

Друг Лобан с горлом, похожим на толстый белый кокон, лежал один в палате на двоих и моргал в потолок. Тонкий прозрачный шланг тянулся к его правой руке от капельницы с физраствором. Услышав, что дверь открылась, Иван скосил глаза и, увидев Сыскарю, улыбнулся и поднял левую руку в знак приветствия.

Андрей подошёл и сел на стул рядом с койкой.

– Живой, – удовлетворённо отметил он. – Только не говори ничего, о-кей? Нельзя тебе разговаривать. Категорически. Наконец-то на собственном опыте сможешь убедиться, действительно ли молчание – золото или врут люди.

Иван опять улыбнулся. Его карие глаза смотрели довольно бодро, но Сыскарю показалось, что он уловил во взгляде друга то ли какую-то глубоко затаённую печаль, то ли грустную мысль, которую трудно высказать. И не только потому, что нельзя говорить.

– Фигня, Лобан, – нарочито весело подмигнул он и пожал Ивану бицепс. – Всё будет в норме. Я разговаривал с врачом, который тебя залатал. По-моему, лепила умелый и опытный, нам повезло. Говорит, что через два дня я спокойно и без риска смогу отвезти тебя в Москву. Ну а там, сам понимаешь...

Он нёс ещё что-то о классных московских врачах, о том, что рана, в сущности, пустяковая, хоть и эффектная, вспоминал зачем-то, как туго им обоим пришлось, когда девять лет назад их БТР подорвался на фугасе и слетел с горной дороги... Наконец, сообразив, что болтает неестественно много и не по делу, умолк, вздохнул и сказал:

– Кормёжка здесь наверняка гнусная. Но ты не беспокойся, нормальный хавчик я тебе обеспечу. Только с доктором проконсультируюсь, что тебе сейчас можно, а что нельзя.

Иван снова улыбнулся и показал рукой, как будто что-то пишет.

– Ага, понял, – обрадовался Сыскарь. – Сейчас.

Он достал из кармана рабочий блокнот и ручку.

– Левой-то сможешь?

Иван утвердительно закрыл и открыл глаза.

Андрей держал блокнот так, чтобы Ивану было удобно, и тот левой рукой слегка коряво, но вполне читаемо вывел на чистом листке два слова.

«Береги Свету».

– Само собой... – пробормотал Сыскарь, затем вскинул на друга тревожно-возмущённый взгляд серых глаз. – Ты что это? Что за мысли, Лобан? Мы же договорились, помнишь? Нет уж, давай, выздоравливай, и мы продолжим осаду. Чтобы всё по-честному и победил достойнейший. Обещаю, ни шага без тебя в этом направлении не сделаю! Блин, даже не ожидал от тебя такого пессимизма. Подумаешь, волк слегка потрепал. Так ведь зашили же! Заживёт всё до свадьбы, я уверен. Мне вообще кажется, что Светлана тебя выберет. И правильно сделает, между прочим. Я для неё слишком шепутной и непредсказуемой. Опять же, выпить люблю...

Он прервался – Иван опять показал рукой, что хочет что-то написать.

На этот раз на листке появилось три слова.

«Это не волк», – прочитал Сыскарь.

Но ничего сказать по данному поводу не успел. Да, наверное, и не смог бы толком ничего сказать – слишком был ошарашен. К тому же как раз вошла медсестра и самым безжалостным образом выгнала его из палаты, заявив, что отпущенные пять минут давно прошли и чтобы раньше вечера, а лучше всего завтрашнего утра, он и не вздумал пытаться увидеть раненого, первейшее лекарство для которого на данном этапе – полный и безусловный покой.

В открытое окно кроссовера задувал прохладный весенний ветерок. Смешиваясь с сигаретным дымом, он прямо в салоне творил восхитительно парадоксальный микс из запахов травы, цветов и леса пополам с табаком.

Сожалеть о том, что опять начал курить, Сыскарю не хотелось. Он уже неоднократно переживал по данному поводу – надоело. Когда-нибудь он обязательно бросит, это несомненно, но, значит, вот именно теперь – не судьба. Слишком много стрессов. А сигарета, как ни крути, помогает. Нет, понятно, что эта помощь – большей частью самообман. Но почему бы и не обмануть себя слегка, если от этого становится легче? Обманываем же мы друзей и близких, не желая сообщать им правду, которая, как известно, чаще всего довольно жестока и неприятна.

Да, правда, чтоб ей. На сегодня правда состоит в том, что их с напарником миссия под условным названием «Лёгкая прогулка в соседнюю область» превратилась в одну сплошную кучу проблем. Это ж надо было так учудить – влюбиться обоим в одну девушку! Выполнили, называется, пожелание клиента на свою голову. А потом ещё и взялись за работёнку, которую

и провалили с великолепным треском, нанеся при этом серьёзный ущерб собственному здоровью и репутации. Потому что порванное хищным зверем горло – это, признаемся, не побоимся, – ущерб здоровью весьма серьёзный. Что же касается репутации, то и вовсе со стыда хоть под землю провались. Особенно больно чувствуется профессиональная, скажем так, неудача здесь, в деревне, где все друг друга знают и обсуждают каждый твой шаг. Он чуть ли не кожей ощущал всякую сплетню, любой шепоток и хохоток, гуляющий сегодня по Кержачам в связи с ночными событиями.

«Привет, сосед! Слыхал, как московские ночью на ферме Сашкиной обо...лись? Волк телёнка чуть не на их глазах зарезал и ушёл. Хорошо, ещё сами живы, хоть один и в больнице. Дай бог, чтоб выздоровел. А и то – здесь тебе не Москва, парень, ухо надо остро держать!»

Б-блин с чебурашкой...

И ведь опять – правда, вот что обидно. Горькая, как недоспелая рябина. Сами виноваты. О каком профессионализме можно говорить, если из шести произведённых выстрелов (четыре раза стрелял он и дважды Лобан) ни один не достиг цели? Слегка попорченная шкура не считается. Но что хуже всего – эти разговоры наверняка услышит она, Светлана. И что подумает о двух залётных молодых красавцах-сыщиках из Москвы? Пижоны и недоучки. Кроме столичных понтов, ничего за душой. Эка невидаль – девушку отыскивали, которая опостылевшего любовника бросила и уехала из города в деревню. А как дошло до серьёзного мужского дела, где оказались? Гусары, молчать.

Сыскарь аж зубами заскрипел от накатившей, подобно тяжёлой и вязкой волне, досады. Проигрывать он не любил. Наверное, потому, что проигрывал редко. А также в силу характера. Он мог быть и был каким угодно шалопутом и развиздям в обычной жизни, в отношениях с женщинами и друзьями, но, когда дело касалось выполнения взятых на себя профессиональных обязательств, шёл до конца и отступал лишь в тех случаях, когда обстоятельства были сильнее его и по-настоящему непреодолимы. Именно из-за этого свойства характера ему и пришлось уйти из органов правопорядка. Ментовско-полицейское начальство не любит тех, кто слишком упрям, слишком глубоко копает да ещё при этом держит себя слишком независимо. Сразу три «слишком» – это слишком. Извините за каламбур. Всякий сверчок знай свой шесток. А с теми, кто больно умный и жаждет – хе-хе – справедливости и равноправия для всех, мы расстанемся. Быстро и безболезненно. Для органов безболезненно, разумеется.

Вот и расстались.

Однако урок, что называется, не пошёл впрок, и характер у частного сыщика Андрея Сыскарёва по прозвищу Сыскарь ничуть в этом смысле не изменился. Именно поэтому вместо того, чтобы снять номер в районной гостинице, через два дня забрать из больницы друга Ивана и уехать с ним домой, в Москву (чтобы потом, когда напарник выздоровеет, вместе с ним вернуться к Светлане и честно попросить её выбрать себе в женихи одного из двоих или никого), он ехал сейчас в Кержачи.

Глава 7

Дом колдуна Григория стоял на отшибе, и вела к нему даже не грунтовка, а просто наезженная колея вместе с вьющейся рядом тропинкой для тех, кто предпочитал ходить пешком.

«Интересно, как тут зимой, – подумал Сыскарь, выйдя из машины и оглядываясь по сторонам. Вместе со сторожем Петровичем, при свете дня, он ещё раз осмотрел и коровники, и ограду с предполагаемым местом проникновения. Ничего интересного и нового не нашёл и теперь приехал сюда. – Небось всей снегоуборочной техники – совковая лопата. И проверенный веками русский мат в качестве моральной подмоги. Нет, ребята, как хотите, а я предпочитаю город. Причём чем больше, тем лучше. Потому как величина города прямо пропорциональна степени развития в нём коммунального хозяйства. Как правило. Особенно у нас в России».

«А Светлана? – немедленно осведомился внутренний голос. – Ты уверен, что она разделяет твои предпочтения? Из Москвы-то она, можно сказать, убежала. И, судя по всему, вполне здесь счастлива. Без всякого развитого коммунального хозяйства. Да она и сама это говорила, помнишь?»

Вопрос был неожиданный. И, самое главное, у Сыскаря не было на него внятного, быстрого и убедительного ответа. Поживём – увидим, вот и всё, что он мог, по сути, на это сказать. В конце концов, он даже ещё не признался Светлане в своих чувствах, о каком выборе места жительства можно говорить?!

«И всё-таки, – не унимался внутренний голос. – Чисто теоретически. Представим себе, что ты признался, предложил руку и сердце, и она их приняла. Но с одним условием. Жить здесь, в Кержачах. А?»

«Заткнись, пожалуйста, – попросил внутренний голос Сыскарь. – Не до тебя сейчас».

Он подошёл к калитке и постучал, видимо, специально для этой цели укреплённым на ней массивным, на вид бронзовым, кольцом, отметив про себя, что сей предмет для российской деревни, что нынешней, что прежней, весьма необычен.

Тишина.

– Эй, хозяин! – позвал громко, заглядывая через забор во двор. – Есть кто дома?!

Дверь отворилась, на крыльцо вышел Григорий.

Чёрные с проседью волосы до плеч, клетчатая хлопчатобумажная рубашка навыпуск, синие джинсы, босой.

Приложил руку ко лбу, заслоняясь от солнца, глянул жёлтыми пронзительными глазами, кто пришёл, не говоря ни слова пригласительно махнул рукой – заходи, мол. И скрылся за дверью.

Сыскарь хмыкнул, открыл калитку – она оказалась незапертой – и пошёл к дому. Из кустов бузины справа выскользнул громадный чёрный котьяра с мышью в зубах. Покосился на человека бедовым зелёным глазом, не торопясь перебежал дорогу и скрылся за сараем.

– Приятного аппетита, – негромко пожелал вслед добытчику Сыскарь, поднялся на крыльцо, толкнул дверь и вошёл внутрь.

– Проходите сюда, на кухню, – послышался низкий, с хрипотцой, голос. – Прямо и ошуюю. Обувь можно не снимать.

Ошуюю. Ни хрена себе. Это слева, что ли? Вероятно. Потому что одесную – значит, справа. Если я правильно помню.

Сыскарь проследовал, куда было сказано, бросив на ходу взгляд в приоткрытую дверь справа (одесную, блин!), ведущую, судя по всему, в комнаты. Увидел на столике у стены немаленький, полный мутноватой воды то ли аквариум, то ли террариум, внутри которого на спе-

циальном мостике уместилась толстая серовато-зелёная жаба и пучила глаза на гостя. Белый мягкий жабий зоб в такт дыханию вздымался и опадал.

Во как. Сначала кот – чёрный, заметим! – теперь жаба. Интересный зоопарк. Кто будет следующим? Ворона и змея-гадюка?

Но он ошибся.

Серьёзных размеров ушастый филин сидел на правом плече хозяина, а тот, расположившись в свою очередь за столом, кормил его с ладони кусочками сырого мяса, приговаривая:

– Кушай, Филя, кушай, не торопись. Всё, что на тарелке, – твоё.

– Здравствуйте, – сказал Сыскарь.

– И тебе не болеть, добрый человек, – произнёс хозяин, скосив на гостя свои необычные, жёлтого цвета, глаза. – Бери табурет, присаживайся. Сейчас Филю докормлю и побеседуем.

Андрей выдвинул табурет из-под стола, уселся, наблюдая, как филин Филя, ничуть не стеснясь незнакомого человека, насыщается мясом.

Интересно, чьё это мясо, пришла неожиданная мысль.

– Телячья вырезка, – пояснил Григорий. – Мне нарочно из города привозят, когда попрошу. Филя и сам умеет себе пропитание добыть без особого труда, но иногда мне хочется его побаловать.

– Вот как, – сказал Сыскарь, чтобы хоть что-то сказать. Ему стало не по себе.

Этот колдун что, мысли читает?

– Нет, – усмехнулся колдун. – Мысли не читаю. Но догадаться, о чём человек думает, несложно. В большинстве случаев.

– Впечатляет, – признался Сыскарь. – Вас бы в нашу профессию – цены бы не было.

– Это в сыщики, что ли? – прищурился на гостя Григорий.

– Ага. Что-то вроде этого.

– Приходилось мне помогать вашему брату. И не единожды.

– Интересно. И как?

– Вельми удачно. Но однажды я нашёл того, кого на самом деле находить было не нужно. – Он посмотрел на Сыскаря и подмигнул. – Истинного виновника. Знакомо, а? С тех пор стараюсь в эти дела не лезть. Ахнуть не успеешь, как сам в колодках окажешься на каторге заместо таты или душегубца. Очень даже запросто. А климат в Сибири – не сахар, ну его.

А ведь непрост колдун. Ох, непрост. И проницателен, зараза, как чёрт, и речь странная. Все эти старорусские «ошуюю», «вельми», «тать», «душегубец». Сибирь зачем-то приплёл, колодки... Можно подумать, у нас зэка по сю пору в колодках по Владимирскому тракту в Сибирь гонят. На каторгу. Ха-ха. Или специально голову морочит, образ лепит? Что ж, правильно. Колдун деревенский в понимании городского человека среднестатистической образованности и должен, наверное, примерно так говорить. Ну, говори, говори. Авось, что полезное и скажешь.

Филин проглотил последний кусок мяса и завертел головой в разные стороны. Казалось, он может безо всякого труда повернуть её на триста шестьдесят градусов.

– Всё, Филя, – сказал Григорий. – Хорошего понемножку. Лети к себе, завтра тебя жду. Гость у меня, видишь? Серьёзный гость с серьёзным разговором.

Птица издала сложный горловой звук, снялась с человеческого плеча и, на мгновение заполнив распахнутыми крыльями половину кухонного пространства, исчезла в открытом окне.

– Так он у вас ручной? – поинтересовался Сыскарь. – Хотя что это я. Понятно, что ручной, если ест с руки. Вот уж не думал, что филина можно приручить.

– Приручить можно всякую живую тварь, – сказал Григорий. – И даже мёртвую. Было бы умение. И желание.

– У вас, значит, они есть? – машинально осведомился Сыскарь, а сам подумал: «Мёртвую? Что это он, совсем меня за лоха держит, колдовские понты в ход пошли? Русский вуду, блин».

– У меня много чего есть, мил человек, – усмехнулся колдун. – С избытком. Хорошо бы знать, чего тебе не хватает. Ты же не просто так в гости зашёл?

– Не просто.

– Излагай. Хотя нет, погоди, дай сам догадаюсь. Вы с другом этой ночью в засаде сидели у Сашкиных коровников, хотели поймать того, кто телят режет?

– Верно. Небось всё село уже судачит?

– Не без этого. Волка вы упустили, так?

– Упустили. Ловкий зверюга попался.

– Ловкий и сильный. Другу твоему чуть горло не перегрыз?

– И это правда. Иван сейчас в больнице, его жизни ничто не угрожает.

– Будем надеяться. И ты пришёл ко мне спросить, был ли это в самом деле волк или кто-то другой, надевший волчью личину, – скучным голосом произнёс Григорий. – Оборотень по-нашему. Пришёл ко мне, потому что про оборотня тебе напел сторож Петрович. А я – единственный человек на всю округу, который хоть что-то в таких делах понимает.

– Всё правильно, – улыбнулся Сыскарь своей самой широкой, добродушной и открытой улыбкой. – Восхищаюсь вашей проницательностью.

– Нет, – сказал Григорий. – Не восхищаешься.

Они встретились глазами. Закалённая сталь против жёлтого бешеного пламени. Столкнулись, как бы пробуя, кто сильнее, и тут же отступили. Не время пока. И не место.

– Выпьешь? – неожиданно предложил Григорий.

– Я за рулём, – привычно ответил Сыскарь. – Да и не затем сюда шёл.

– Когда хозяин предлагает, отказываться не принято. Опять же, напиваться не обязательно. А польза большая.

– Кому? – хмыкнул Сыскарь.

– Нам обоим. Ты же русский человек?

– Странный вопрос.

– Не вижу ничего странного. Но можешь не отвечать, я и так вижу, что русский. Значит, должен понимать, что от совместной выпивки двум русским людям может быть только польза. Если в меру, понятно.

То-то и оно, что в меру, подумал Сыскарь. Где она, та русская мера, и кто её видел? Но вслух ничего не сказал. Может быть, это и впрямь неплохое предложение – выпить. Язык-то у выпившего человека быстрее развязывается. А за свой он спокоен.

– Да и куда тебе сегодня ехать? – продолжал Григорий. – Друга ты уже навещал, врачи наверняка сказали, что раньше завтрашнего дня тебе в больнице делать нечего, только мешать будешь. Так?

– Вроде того, – вынужден был согласиться Андрей.

– Ну вот. А где переночевать, найдёшь. Хоть у Сашки – у него дом большой, места хватит, хоть у той же Нины, завуча, где вы с другом уже были. Только к Светлане ночевать не ходи.

– Это ещё почему? – Сыскарь даже несколько растерялся, что бывало с ним крайне редко.

– По кочану, – блеснул глазами колдун.

То ли показалось Сыскарю, то ли и впрямь было в этом коротком блеске что-то личное, затаённое?

– Ты парень залётный, столичный, а ей здесь жить.

Жить, значит. Ну-ну. И с кем же это ей жить, интересно? Уж не с тобой ли? Нет, в бутылку и на рожон мы лезть не станем. Не дождёшься. Но и лапки кверху сразу задирать не стоит.

– Вообще-то и в мыслях не было, – произнёс он с тягучей ленцой. – До тех самых пор, пока ты мне эту мысль не подкинул. Теперь деваться некуда, буду её думать.

И самым серьёзным видом посмотрел на Григория.

Повисло молчание.

– Шучу, – засмеялся Сыскарь. – Нужна мне ваша Света, как же. Своих в Москве девать некуда.

– Вот и молодец, – сказал Григорий.

– А то! – бодро подхватил Сыскарь. – Таких молодцов днём с огнём не сыскать, а ночью и вовсе не берись. А раз так, можно и выпить. Только мне неловко. С пустыми руками пришёл.

– Не бывает, чтобы совсем с пустыми руками человек ко мне приходил, – ответил Григорий.

Он встал, прошёл на середину кухни, поднял крышку погреба и полез внутрь по короткой деревянной лестнице.

– Всегда есть, что отдать и что взять, – донесся из-под пола его голос. – Ну-ка, прими да на стол поставь.

Из тьмы погреба на божий свет явились литровая бутылка с прозрачной жидкостью (самогон, вероятно, что же ещё?), две банки с огурцами и помидорами, банка с грибами, небольшая связка лука, завернутый в чистую тряпицу преизрядный шмат деревенского сала и каравай черного хлеба. По виду и запаху – домашней выпечки.

Да, сглотнул набежавшую слюну Сыскарь, выставляя все это богатство на стол. Хороша закуска, ничего не скажешь. Это тебе не из магазина. Оно и по-любому перекусить неплохо, завтракал я рано, а время к обеду...

Разложить по тарелкам солёные помидоры и огурцы с грибами маслятами прошлогоднего урожая и сбора, нарезать хлеб, лук и сало, достать стаканы и вилки – всё это заняло у Григория не более пяти минут.

– Ну, – спросил он, взяв бутылку и разливая по стаканам, – за что выпьем?

– А что пьём-то? – спросил в ответ Сыскарь. – Самогон?

– Ржаной полугар. Слышал?

– Нет. Что это?

– Сейчас узнаешь. Не бойся, проверено веками. Чисто русский напиток. Увы, забытый.

– Я всегда считал, что национальный русский напиток – водка.

– Большая ошибка. Национальный напиток всегда тот, который можно произвести дома и самостоятельно. Но это долгий разговор. Так за что пьём? Первое слово гостю.

– Тогда за этот дом, – произнёс Сыскарь, поднимая стакан. – Пусть минуют его беды.

– Пусть, – согласился Григорий.

Выпили.

Полугар оказался не крепче водки, но мягче и с явным хлебным привкусом.

Надо будет потом узнать, что это за полугар такой, решил про себя Андрей, закусывая хлебом с салом и солёным помидором. И впрямь интересный напиток. То есть понятно, что самогон по сути, но необычный. Хотя это сейчас мне интересно, когда я сижу за деревенским столом и его пью. А вернусь в Москву, так сразу из головы вон. Сто раз проверено. Не буду же я его сам делать, верно? Не буду. И хлеб печь не буду, и огурцы с помидорами солить. Максимум, на что я способен, – сварганить себе летом окрошку, а зимой сварить борщ. Когда уж совсем магазинная да псевдоресторанная еда поперёк горла становится. Эх, жизнь холостяцкая... Жениться пора, вот что. И я даже знаю на ком.

Потом выпили за здоровье гостя, скорейшее выздоровление Ивана и процветание села Кержачи.

Разговор сам собой зашёл о занятиях Григория.

– Так ты что же, всегда был э-э... колдуном, с юных лет? – поинтересовался Сыскарь.

– Да, всегда. А что? Профессия не хуже других. Кормит.

– Профессия?

– Что же ещё? Для того чтобы стать колдуном, я хочу сказать, настоящим колдуном – не тем, которых по телевизору показывают, – таланта мало. Нужно очень много учиться и очень много работать. На это уходят годы и десятилетия.

– И где же на колдунов учат?

– А нигде. Нужно самому этого хотеть и тогда, возможно, учитель сам объявится. И не просто хотеть – желать этого и стремиться всем своим существом. Или как в моём случае... – Он умолк и разлил по стаканам.

– А как было в твоём случае? Если не секрет, понятно.

– Никаких секретов. Так вышло, что я рано осиротел. И наверняка бы сгинул. Но повезло – меня взял на воспитание один старый и мудрый волхв. Давай помянем его. Многим я ему обязан. Хоть и не всем.

Выпили, не чокаясь.

– Волхв, ты сказал? – удивлённо переспросил Сыскарь, отправляя в рот нежнейший шма-ток сала вслед за хлебом и луком.

– Волхв. Ты что же, не знаешь, кто такие волхвы?

– Знаю.

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен»,

– процитировал он наизусть.

– Отменно сказано, – похвалил Григорий. – Так ты ещё и пиит? Не знал.

– Э... я, конечно, иногда кропаю стишки под настроение, но вообще-то это Пушкин. «Песнь о вещем Олеге», – не стал присваивать чужой славы Сыскарь. – Неужто не читал?

– Как-то не довелось. Но теперь буду знать, что Пушкин ухватил о волхвах самую суть.

– Так на то он и Пушкин. Только писал он об этом чуть не двести лет назад. Уже в его время волхвов давным-давно не было. Так откуда же тогда этот твой учитель-волхв взялся? Переместился во времени из прошлого?

– Напрасно смеёшься. Пока будут существовать русские люди, верующие в Перуна, Рода, Велеса, Ладу и других славянских богов, будут и волхвы. Как же иначе. Моего учителя звали Велеслав и служил он, как можно понять из имени, богу Велесу. Хороший бог, сильный и справедливый. Повелитель русских лесов и его обитателей больших и малых. Хочешь дружить с лесом – поклонись Велесу. А леса у нас, в России, сам знаешь, необъятные. До сих пор не извели, хотя уж как старались и продолжают стараться!

Как мог внимательно Сыскарь посмотреть на колдуна, чтобы понять, шутит тот или нет, но не понял.

Волхвы, значит. О'кей, Гриша, послушаем, что дальше скажешь.

– Так это язычники, что ли, современные? – осведомился небрежно. – Видел я их. Ничего серьёзного. Ролевые игры молодёжи в чистом виде, не более того. Энергию девать некуда, вот и рзвятся. Кто-то мечами самодельными машет, а кто-то на Ивана Купалу через костёр прыгает. Ерунда. Наиграются, вырастут и забудут.

– Так это ведь с какой стороны посмотреть, – усмехнулся Григорий. – Кому и христианство игра. Или там магометанская вера. А кто-то за них кровь лить готов и жизни класть.

Если не хочешь быстро поссориться с малознакомым человеком, вспомнил Сыскарь старое правило, никогда не говори с ним о трёх вещах: о религии, о политике и о футболе. Три

самые взрывоопасные темы. Вот же блин с чебурашкой, подумал он. Наверное, оттого в России и разлад вечный, что только об этом и талдычим, нервы себе портим. Мда. Перевести разговор? Нет, рано. Главное – не спорить, пусть вещает.

«Давай, давай, юноша, – думал в это же время Григорий, снова наполняя стаканы и нарезая ещё сала. – Ты меня подозреваешь и правильно делаешь. Разговорить хочешь, вдруг сболтну что во хмелю. Хе-хе. Надо признать, есть у тебя и талант сыскаря-ищейки, и хватка. Есть. Да только молод слишком, горяч, нетерпелив. А знаний нужных с умениями и опытом и вовсе нет. Это тебе не ворьё с грабителями-убийцами ловить. И не за чужими жёнами следить. Так что зря ты ко мне пришёл. Совсем зря. Очень скоро это поймёшь, но поздно будет. По хорошему встать бы тебе сейчас и уйти... Нет, всё равно поздно. Нужно было вам обоим сразу уезжать, не оставаться в ту, первую ночь. Тогда, может быть, и уцелели бы. Нет, даже и не жалко мне вас, глупцов молодых. Да и с какой стати жалеть? Не вы первые, кто встал у меня на пути вольно или невольно, не вы и последние...»

– Ну, ради язычества нашего славянского доморощенного вряд ли кто у нас кровь проливать станет, – заявил Сыскарь самым безапелляционным тоном. – Это тебе не какой-нибудь там девятый или десятый век. И даже не девятнадцатый. А уж класть жизни – тем более.

– Как скажешь, – неожиданно легко согласился Григорий и поднял стакан. – Не настаиваю. Мне достаёт того, что я могу помочь людям, когда никто больше помочь не в силах. А уж как я это делаю – колдовством ли языческим либо молитвой православной или латинской – неважно.

– Хор-роший тост, – произнёс Сыскарь с чувством. – За своевременную помощь людям! Они чокнулись и выпили.

Глава 8

Саундтрек из «Крёстного отца» назойливо лез в уши, прогоняя сон.

– Speak softly, love and hold me warm against your heart... – пел Энди Уильямс.

«О, господи, не надо говорить нежно люблю, замолчи, а?»

– I feel your words, the tender trembling moments start, – не унимался певец.

«Это точно, уже весь дрожу. Заткнись».

– We're in a world, our very own.

– Sharing a love that only few have ever known, – резюмировала легенда американской эстрады.

«Всё. Достал»

Не открывая глаз, Андрей нащупал на стуле телефон и сбросил звонок.

Уф-ф...

«Стоп, чего это я. Кто звонил-то? Может, из больницы или Ирка из Москвы?» – немедленно подало голос чувство долга. И был этот голос понастойчивей тенора Энди Уильямса. Тот всего лишь спел песню о любви до самой смерти в фильме о смерти ради любви и о своеобразно понятом чувстве долга. После чего в качестве рингтона попал в сотовый телефон Сыскаря. А тут сам этот долг во всей своей красе. И никуда от него не деться.

Пришлось открывать глаза, садиться на постели и определяться. Со звонком, временем, пространством и самочувствием.

Лучше всего в обратной последовательности.

Самочувствие. Не фонтан, бывало и лучше. Но и не сказать, что полная долина Мегиддо. Жить можно. Хотя, конечно, рассольчика бы хлебнуть не помешало. Должен же быть у фермера Сашки рассольчик? Должен. И позавтракать. Необходимое это дело после обильных возлияний. Наполнить желудок едой, чтобы не требовал опохмелки. У колдуна-то выпито было не сильно много, но фермер Саша, который любезно предоставил Сыскарю ужин и ночлег, тоже в стороне не остался и угостил гостя как полагается. Хорошо хоть не очень поздно легли... Вот и с пространством определились и временем заодно. Он в доме фермера Саши, в гостиной, на диване. Время... Сыскарь посмотрел на часы – девять часов тридцать две минуты. Утра. Поздновато, но зато он выспался. А это главное. Главнее любого рассола и завтрака.

Он как раз успел принять душ, побриться и одеться, когда телефон запел снова.

– Сыскарёв на проводе, – сообщил он в трубку ровным голосом человека, готового ко всяким неожиданностям.

И они не замедлили последовать.

– Доброе утро! Андрей Владимирович? Это вас Владимир Борисович беспокоит. Врач.

– А! Здравствуйте, Владимир Борисович. Слушаю вас. Надеюсь, с Иваном всё в порядке?

– Более чем. Я поэтому и звоню. Мы говорили о том, что везти его в Москву вы сможете в лучшем случае завтра. Но динамика такова, что я склоняюсь к мысли даже о сегодняшнем дне. Давненько мне не попадались пациенты, на которых так быстро всё заживает.

– То есть можно забрать его уже сегодня?

– Об этом я и говорю. Если есть такое желание. Часам к двенадцати подъезжайте, я оформлю бумаги.

– Отлично, буду. Спасибо за хорошие новости.

– Не за что.

Он сунул телефон в карман и отправился на кухню. Настроение заметно улучшилось. Торчать без дела в Кержачах ещё сутки Сыскарю не хотелось. То есть, не дай он Ивану и самому себе обещание оставить Светлану в покое до полного выздоровления друга, дела бы нашлись. Да ещё какие дела! Ого-го, а не дела! С огнём в крови и сладкими замираниями в сердце. Но...

слово есть слово. Значит, что? Правильно. Нужно убраться от соблазна как можно скорее, а уж потом, когда все условия снова будут соблюдены, приступать к планомерной осаде любимой. Или, наоборот, лихому и безоглядному штурму. Как фишка ляжет.

Когда Сыскарь, уже подлечившись ядрёным огуречным рассольчиком, позавтракав яичницей с колбасой и запив это всё большой чашкой крепчайшего сладкого и горячего чая, а также попрощавшись с хозяином и его женой Ларисой, сел в машину, песня из «Крёстного отца» зазвучала в его кармане снова.

– Смольный слушает! – бодро откликнулся Сыскарь. Остатки похмельного синдрома после завтрака улетучились окончательно, и он был готов принимать мир так, как старался делать это всегда – без уныния и занудности.

– Простите... Кто? – удивлённо переспросил в трубке девичий голос.

– Не кто, а что, – пояснил Сыскарь. – Смольный институт благородных девиц. Позже – штаб большевиков, откуда они руководили Октябрьской революцией одна тысяча девятьсот семнадцатого года. Стыдно не знать историю своей страны, девушка.

– Я знаю историю, – сказала девушка. – Даже в школе её преподаю. Между прочим. Андрей, это вы?

– Ой, – сказал Сыскарь. – Света?

– Да, это я. Здравствуйте, Андрей.

– Здравствуйте, Света. Тысяча извинений, неудачная шутка, бывает.

– Раз шутите, значит, у вас хорошее настроение. Я угадала?

– В самую точку. А сейчас, когда вы позвонили и я вас слушаю, моё настроение и вовсе парит на крыльях... – он чуть не ляпнул – «любви», но вовремя прикусил язык. Этого ещё не хватало. Во-первых, пошло так, что дальше некуда, а во-вторых, не время. «Попридержи коней, Сыскарь», – сказал он себе, а в трубку промурлыкал: – В общем, рад слышать ваш голос. Чем могу помочь? Я в полном вашем распоряжении... – он глянул на часы, которые показывали без десяти одиннадцать, – целых сорок минут. А то и все пятьдесят! Вы где сейчас, дома? Могу подъехать.

– Я не дома, на остановке автобуса, на трассе, знаете?

– Э... кажется, да. Нет, вспомнил, точно знаю. А что вы там делаете?

– Вам звоню. Понимаете, я опоздала на автобус в райцентр, а следующий только через два часа. Вот и подумала, вдруг вы не откажетесь меня отвезти? Если, конечно, вам не очень трудно.

– Мне исключительно легко, Света. Легко и радостно. Уже мчусь, ждите. Буду через пять минут.

Он отключился, завёл двигатель и, не оглядываясь по сторонам, повел кроссовер к выезду из Кержачей. Счастье само плыло в руки, и в душе Сыскаря разливалась песня: «Speak softly, love and hold me warm against your heart...»

На длительные и сложные колдовские операции всегда уходит невероятное количество сил. Слишком много обстоятельств следует учесть, а затем изменить. Начиная от прочтения ближайшего наиболее вероятного будущего интересующих тебя людей и заканчивая направлением этого будущего в нужное тебе русло. Каковое направление требует в свою очередь проведения соответствующих обрядов и произнесения тщательно подобранных заклинаний. Древних, могущественных и очень-очень опасных. Но что ему, живущему на свете без четверти тысячу лет, любая опасность? Смешно. Опасней тех существ и сил, с которыми он когда-то связался ради достижения своей цели, ради мечты и ради любви, просто не существует ни в одном из миров. Говоря современным языком, с такой опасной крышей, как у него, можно чувствовать себя в безопасности. Парадокс, но жизнь сплошь и рядом состоит из парадоксов. Разумеется, в безопасности можно себя чувствовать лишь до определённой степени. Пару-

тройку раз за эти столетия находились те, кто был способен бросить ему настоящий вызов, без дураков. Люди, обладающие знаниями, ресурсами и, главное, железной несокрушимой волей. В результате он всё равно брал верх, но победа всегда обходилась очень дорого. И очень больно. К тому же победы эти были относительны. Будь иначе, он давно бы уже завершил свой долгий путь, полный любви, ставшей ненавистью, и ненависти, превратившейся в неутолённую страсть.

Силы, да. Энергия. Её никогда не бывает слишком много. А уж в таких случаях, как этот, – тем более. Возможно, следовало поступить проще – сразу убить обоих? Ещё в первый вечер, когда они стояли на дороге над упавшим оленем. Нет, это могло вызвать слишком много подозрений, часть из которых наверняка свалилась бы на него – человека с поддельным паспортом и выдуманной биографией. Начали бы копать, проверять, и что тогда? Снова бежать, прятаться, менять личину? А как же Светлана? Нет, нужно всё сделать чисто. Так, чтобы ни у кого не возникло ни малейших сомнений в естественном ходе событий. Один умер, задранный диким зверем. Бывает. Леса же кругом. Второй исчез без следа. Что может быть естественней? В какой-то передаче по радио он слышал о том, что в одной Москве пропадают тысячи людей в год, и каждый десятый из них – безвозвратно, с концами, без всякой надежды на малейшие сведения о том, что и как с ним произошло. Не говоря уже обо всей России. Так что одним больше, одним меньше – без разницы. А уж он постарается сделать так, чтобы и впрямь не нашли. Ни при каких условиях. Что же касается сил и энергии, то мы их сейчас восстановим. Не впервой.

Григорий остановился, высматривая подходящее дерево. Ага, вот он. Молодой крепкий дуб в полтора обхвата. Лет восемьдесят, не больше. Жалко, да, но деваться некуда. А жертва Велесу – владыке лесов уже принесена и все нужные слова произнесены.

Шаркающей старческой походкой – сил оставалось едва-едва, чтобы хоть как-то держаться на ногах – он подошёл к дереву и обнял ствол, прижимаясь к нему всем телом. Закрыв глаза, отрезал сознание от окружающего мира, оставив только крохотного, но никогда не теряющего бдительности сторожа на самом краю.

Привычно настроился.

Услышал движение мелких насекомых под корой, ощутил, как листья впитывают лучи солнца, а корни мощно тянут влагу из земли, почувствовал... нет, не мысли – настроение дуба. Как он радуется своей молодости, здоровью и этому чудесному майскому дню. Долгая зима позади. Впереди – красное лето.

Извини, приятель.

Пробирающаяся неподалёку по своим делам лиса замерла и опустила морду, принюхиваясь. Пахло вроде бы человеком. Мужчиной. Без оружия. Но было в этом привычном запахе что-то ещё. Притягивающее и в то же время страшное. Не человеческое, не звериное и не относящееся к миру людских вещей. Что-то очень древнее, о чём сама лиса никак не могла помнить, но где-то в глубинах её существа, в крови, костном мозге, нервах и клетках лежала тень этой памяти, передаваемая по наследству бесчисленными поколениями лис.

Бежать или глянуть одним глазком?

И тут же бежать.

Будь лиса постарше, вряд ли она стала бы сомневаться. Но это была хоть и вполне взрослая, но ещё молодая лиса. Поэтому любопытство в ней пересилило страх, и она, неслышно прокравшись ближе, осторожно выглянула из-за куста боярышника.

Человек в чудном – рыжем с коричневым – плаще обнимал дуб, прижимаясь к нему всем телом. И дубу это активно не нравилось.

Понятно, что лиса не знала слов «человек», «плащ» или «дуб». Но эти существа и предмет обозначались в её мозгу определёнными, понятными только ей и другим лисам символами, коими она и оперировала, наблюдая и оценивая открывшуюся перед ней картину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.